МБ
172

Лозинский
Итоги
парламентаризма
г. С-Петербург
1907 г.

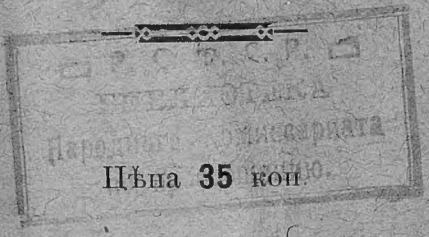
Книгоиздательство „НОВЫЙ ГОЛОСЪ".

МБ
Л 72

Евгеній Лозинскій.

Итоги Парламентаризма.

Что онъ далъ
и можетъ ли онъ что-либо дать
рабочимъ массамъ?



Цѣна 35 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія С. М. Муллеръ, Вас. Остр., 9 линія д. 18.
1907.

21679 V/80 м
342.53: 321.91
МБ
Л72

Книгоиздательство „НОВЫЙ ГОЛОСЪ“.

Евгеній Лозинскій.

Итоги Парламентаризма.

Что онъ далъ и можетъ ли онъ что-либо дать рабочимъ массамъ?

Р. С. Ф. С. Р.
БИБЛИОТЕКА
Народного Комиссариата
по просвещению.

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія С. М. Муллеръ Вас. Остр., 9 лннія д. 18.
1907.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Введеніе.

Великая человѣческая трагикомедія была до сихъ поръ одной безконечной и безпрерывной цѣпью *насилія* и *надувательства*. Декораціи перемѣнялись безконечное число разъ; много разъ угнетенныя и эксплуатируемыя массы мнили себя близкими къ освобожденію, и всякій разъ вмѣсто освобожденія получалось то же тяжкое насиліе, да еще болѣе тонкое надувательство. Всякій разъ, какъ во тьмѣ вѣковъ среди общей безмолвной тишины рабства и эксплуатаціи раздавались вдругъ небесные звуки о „любви“ и „правдѣ“, и воздухъ наполнялся увлекательными лозунгами о братствѣ, равенствѣ и свободѣ, это означало подготовленіе и осуществленіе какого-либо новаго, небывалаго еще обмана, водвореніе новыхъ, болѣе рафинированныхъ формъ насилія.

Да, такъ было *до сихъ поръ*. Наивные люди думаютъ, что съ сегодняшняго дня начинается нѣчто совершенно иное, чего до сихъ поръ еще не было, нѣчто новое, чудное и прекрасное. Ложь

и лицемѣріе разоблачены, основы насилія колеблются, остается сдѣлать еще одно только усиліе, и человѣчество выйдетъ, наконецъ, на чистый и свѣтлый путь безконечнаго совершенствованія...

Да, такъ думаютъ, такъ вѣрятъ наивные люди. Они и не подозрѣваютъ, что подъ увлекательнѣйшими лозунгами современности кроется небывалое еще лицемѣріе, а подъ маской „революціонныхъ“ партій выступили лишь новыя силы эксплуатаціи и насилія.

Либеральныя фразы о братствѣ, равенствѣ и свободѣ скрываютъ въ себѣ эксплуататорскія вожделѣнія буржуазіи. Соціалистическія фразы объ обобществленіи и уничтоженіи классового строя прикрываютъ собою лишь эксплуататорскія вожделѣнія новаго подымающагося господскаго класса — интеллигенціи.

Кто не понимаетъ этого, тотъ ходитъ съ завязанными глазами среди все усиливающейся вакханаліи лживыхъ фразъ и обманныхъ лозунговъ. Лишь понявъ дьявольски-хитрую, геніально-припрятанную сущность современнаго соціалистическаго движенія, какъ новаго колоссальнѣйшаго историческаго обмана рабочихъ массъ, мы узримъ тѣ новыя бездны грядущаго рабства и растлѣнія, на встрѣчу которымъ катится современное человѣчество.

Интеллигенція ликуетъ и торжествуетъ, она манитъ за собою изстрадавшіяся массы, увѣряя ихъ: еще одинъ, еще два шага за мной, и вы очутитесь въ земномъ раю, гдѣ нѣсть ни заботы, ни слезъ, ни печали.

Да, интеллигенція ликуетъ и воспѣваетъ гимны будущему, ибо она чуетъ, что оно, это будущее, принадлежитъ ей, какъ новому господскому тунеядствующему классу, не знающему ни заботъ, ни слезъ, ни печали.

Но всѣмъ, прозрѣвшимъ, наконецъ, великую тайну современнаго революціоннаго и соціалистическаго движенія, всѣмъ, уразумѣвшимъ секретную сторону интеллигентскихъ ликованій, будущее открывается въ безпросвѣтномъ мракѣ и туманѣ. Гдѣ исходъ? на что надѣяться? во что еще вѣрить?..

Но какъ бы ни было безнадежно будущее, первый долгъ прозрѣвшихъ—это возможно громче поднять свой голосъ противъ новой ловушки человѣческой трагикомедіи.

Въ своей книгѣ: *„Что же такое, наконецъ, интеллигенція“* мы сдѣлали шагъ въ этомъ направленіи. Въ настоящемъ своемъ трудѣ мы раскрываемъ всю внутреннюю фальшь, все нравственное зло парламентаризма. Мы подвели ему здѣсь итоги за всю его вѣковую дѣятельность въ такъ наз. „свободныхъ“ странахъ, положивши въ основу нашей критики критическую и сатирическую литературу, существующую по данному вопросу на Западѣ. Мы пользовались при этомъ цитатами изъ произведеній либеральныхъ, демократическихъ и соціалистическихъ писателей, давшихъ намъ драгоцѣнныя „невольныя признанія“, говорящія противъ самихъ ихъ авторовъ.

Мы отнюдь не обольщаемъ себя мыслью *пере-*

убѣждать современныя соціалистическія партіи, склонять ихъ на свою сторону. Если бы даже всѣ геніи всего міра задались такой цѣлью, они не достигли бы ея, и по очень простой причинѣ: всѣ ихъ аргументы разбились бы о *классовой инстинктъ* тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые являются руководящими въ современномъ революціонномъ и соціалистическомъ движеніи. Переубѣждать можно лишь того, кто заблуждается, а не того, кто, наоборотъ, методически стремится путемъ парламентаризма къ торжеству своихъ классовыхъ, своихъ эксплуататорскихъ интересовъ.

Мы надѣемся лишь на немногихъ, способныхъ преодолѣть въ себѣ свою господскую природу; на этихъ немногихъ на первыхъ порахъ и падетъ вся огромная тяжесть борьбы съ могущественной враждебной ратью, на нихъ будетъ лежать обязанность поддерживать, расширять ту борьбу, которую искони ведутъ рабочія массы, борьбу за улучшеніе своего экономическаго положенія, — распутывая какъ соціалистическія, такъ и всякія иныя господскія сѣти, разставленныя пролетаріату на пути къ его освобожденію.

I.

Парламентаризмъ и народоправство. — Что надо понимать подъ „банкротствомъ“ и „кризисомъ“ парламентаризма.

Приступая къ критикѣ парламентаризма и представительной системы, мы будемъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, не конституціонно-монархическія формы государственнаго строя, самопротиворѣчивыя и „не имѣющія никакого собственнаго принципа“ *), а такъ наз. демократическую республику, покоющуюся на самой широкой избирательной системѣ, на всеобщей, прямой, равной и тайной подачѣ голосовъ. Другими словами, мы беремъ парламентарный принципъ въ его наивысшей формѣ и наиболѣе чистомъ проявленіи, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и легче раскрыть его сокровенную природу, установить его неотъемлемыя специфическія качества. Все бьющее, такъ

*) См. Огюстъ Контъ противъ конституціонной монархіи въ его Курсѣ положит. философіи, т. VI, стр. 81—89, а также Франтцъ: „Die Naturlehre des Staates“, стр. 270 и сл. противъ Гегеля, считавшаго конституціонную монархію вытекающей изъ „чистаго мышленія“ и абсолютной нормой для всѣхъ разумныхъ существъ.

сказать, мимо этихъ основныхъ чертъ критикуемой системы мы будемъ оставлять въ сторонѣ, какъ не идущее къ дѣлу. При этомъ, въ самой критикѣ мы будемъ различать двѣ тенденціи, двѣ точки зрѣнія: 1) чисто-демократическую и 2) соціалистическую, соотвѣтственно тѣмъ отправнымъ принципамъ, на которыхъ покоится вся подлежащая нашему разсмотрѣнію критическая литература. Мы посмотримъ, какъ въ минуты откровенности судятъ о данномъ предметѣ не только соціалистическіе поборники „обобществленія“, но и—что не менѣе интересно—представители чистой демократіи, ревнители одной лишь такъ наз. политической свободы. Куда еще ни шло, если современный парламентарно-республиканскій строй не совсѣмъ удовлетворяетъ, скажемъ, Прудона и Бакунина, Маркса и Лаврова. Это далеко болѣе понятно и естественно, чѣмъ то, когда демократы, совершенно чуждые соціалистической точкѣ зрѣнія, даже враждебные соціализму, съ не меньшимъ осужденіемъ относятся къ такъ наз. „всенародному представительству“, называя его враждебнымъ истинной *политической* свободѣ. Но мы разсмотримъ, конечно, эти обѣ точки зрѣнія, представляющія для нашей темы одинаковую важность и одинаковый интересъ.

И такъ, каковы основныя черты парламентарно-республиканскаго строя, и въ чемъ ихъ наиболѣе существенные—съ точки зрѣнія критиковъ и хулителей — недостатки?

Въ государственной наукѣ принято считать основными признаками парламентарно-республиканскаго строя четыре слѣдующихъ момента: 1) принадлежность *всей* законодательной власти одной или двумъ палатамъ, составленнымъ изъ такъ наз. народныхъ представителей; 2) несмѣ-

няемость депутатовъ до истеченія того срока, на который они выбраны и окончательное значеніе ихъ рѣшеній (т. н. перенесеніе воли избирателей на ихъ представителей); 3) представленіе депутатами воли не только своихъ избирателей, но и всей страны, и, наконецъ, 4) всеобщая, равная, прямая и тайная подача голосовъ при выборахъ.

Вотъ тѣ начала, которыя съ точки зрѣнія традиціоннаго, „ходячаго“ либерализма наиболѣе совершенно осуществляютъ идеалъ народнаго самоуправленія, наиболѣе вѣрно гарантируютъ народу политическое освобожденіе, наиболѣе полно выражаютъ народную волю. Въ законахъ вырабатываемыхъ на такой почвѣ, „выражается голосъ самого народа, его потребности и нужды“; „лучшіе избранники страны“ независимо и свободно вырабатываютъ содержаніе закона, и въ его велѣніи „народъ самъ обязываетъ себя, добровольно опредѣляетъ свои жертвы“; такой законъ становится „воистину священнымъ, а его исполненіе моральной обязанностью“ *)...

Первымъ возсталъ противъ такого взгляда на

---

*) См. напр. статью М. А. Рейснера: „Основныя черты представительства“ въ Сборникѣ „*Конституціонное Государство*“ (Спб. 1905), особ. стр. 176 — 177. Сравни со стр. 153, гдѣ современный парламентъ сравнивается уже съ „биржей“, а „лучшіе избранники страны“ съ „шайкой разбойниковъ“. „Бюргерскій либерализмъ—говоритъ тамъ же г. Рейснеръ—внесъ уже пріемы денежнаго прилавка въ парламентскую атмосферу капиталистическихъ странъ... Бюргерскихъ депутатовъ тамъ (въ Италіи) продаютъ и покупаютъ такъ же, какъ и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и въ панамистской Франціи“... Еще раньше, на стр. 141, тотъ же авторъ пишетъ, что „юридическое равенство новой эпохи скрываетъ въ себѣ тѣмъ болѣе тяжелое соціальное неравенство, что оно основывается не на силѣ патріархальныхъ нравовъ, а на голой силѣ аграрнаго, промышленнаго и торговаго капитала“... Какъ послѣ всего этого г. Рейснеръ могъ написать свои вышеприведенныя 175—177 страницы, мы никакъ понять не можемъ. Впрочемъ, быть можетъ, онъ находитъ „парламентарную атмосферу“ *первой* половины XIX столѣтія болѣе чистой и здоровой, чѣмъ въ послѣдующія пятьдесятъ лѣтъ?

народное представительство отецъ современной демократіи, Жанъ Жакъ Руссо, еще въ 1762 году, когда впервые появился его трудъ: „Contrat Social“. Еще 27 лѣтъ до великой французской революціи, когда Франція находилась въ тискахъ стараго режима, Руссо пытался доказать не только тѣ или иные недостатки представительной системы, но и полную несовмѣстимость ея съ политической свободой народа. „Верховная власть — говорилъ онъ — не можетъ быть представляема на томъ же основаніи, на которомъ она не можетъ быть отчуждаема; она по самому своему существу заключается въ общей волѣ, а воля не представляется: она та же самая, или она другая, середины нѣтъ. И такъ, депутаты народа не представители его и не могутъ ими быть; они только его повѣренные, они не могутъ ничего рѣшать окончательно. *Всякій законъ, который народъ самолично не утвердилъ, недѣйствителенъ; это не законъ*“ *)... Вся пятнадцатая глава III книги „Общественнаго Договора“, самая интересная во всемъ томѣ, является однимъ сплошнымъ протестомъ противъ представительной системы. Лишь только — говоритъ онъ тамъ — общественная служба перестаетъ быть важнѣйшимъ занятіемъ гражданъ, предпочитающихъ при помощи своего кошелька прибѣгать къ посредничеству другихъ лицъ, государство близко къ своему разрушенію. Надо ли идти на войну, они нанимаютъ войска и остаются у себя дома. Надо ли идти въ Совѣтъ, они назначаютъ депутатовъ и остаются дома. И вотъ, благодаря лѣности и деньгамъ, они получаютъ, наконецъ, солдатъ, порабощающихъ родину, *и*

*) См. „Du Contrat Social“, изд. Biblioth. Nat. 1904, Paris, p.p. 128—9, а также всю, вообще, XV главу III книги. Курсивъ вездѣ нашъ.

представителей, продающихъ ее“... Говоря далѣе объ Англіи, имѣвшей уже въ то время парламентское представительство, Руссо замѣчаетъ: „Англійскій народъ считаетъ себя свободнымъ, но онъ больно ошибается; онъ свободенъ только въ теченіе выборовъ членовъ Парламента; но лишь только они избраны, онъ — рабъ, онъ ничто. То употребленіе, какое онъ дѣлаетъ изъ своей свободы въ тѣ краткія минуты, когда онъ ею пользуется, показываетъ, что онъ заслуживаетъ ея потери“. Другими словами, всякій народъ, пользующійся своимъ избирательнымъ правомъ для избранія представителей въ парламентъ, не только не утверждаетъ этимъ актомъ своей свободы, но, какъ разъ наоборотъ, отрекается отъ нея, надѣваетъ самъ на себя свои цѣпи. „Въ тотъ самый моментъ, какъ народъ назначаетъ себѣ представителей, онъ болѣе не свободенъ, его уже нѣтъ“... По мнѣнію Руссо, воля не переносима, точнѣе — она не можетъ, не *должна* быть переносима. Разъ отказавшись отъ своей воли, хотя бы на самое короткое время въ пользу другихъ лицъ, мы тѣмъ самымъ уже создаемъ источникъ всеобщей деморализаціи, какъ избирателей, такъ и избранныхъ, будь послѣдніе сами по себѣ даже воистину „лучшими избранниками страны“. Какъ бы удаченъ ни былъ выборъ, но привиллегированное положеніе власти, съ одной стороны, и подчиненное положеніе, съ другой, фатально создаютъ, въ концѣ концевъ, атмосферу произвола и всевозможныхъ личныхъ антиобщественныхъ чувствъ. Всеобщая воля можетъ быть представлена только сама собой, народъ долженъ въ каждую данную минуту оставаться самъ себѣ хозяиномъ и повелителемъ. Конечно, — говоритъ Руссо, — нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы частная воля

не согласовалась въ томъ или иномъ пунктѣ съ волей всеобщей; но невозможно, чтобы такое согласованіе было продолжительно и постоянно, ибо частная воля по самой своей природѣ имѣетъ тяготѣніе къ привиллегіямъ (aux préférences), а воля общая — къ равенству. Во всякомъ разѣ, нѣтъ *гарантіи* такого согласованія, хотя бы оно и имѣло постоянно мѣсто: это было бы дѣломъ случая, не искусства"... (Глава I второй книги). Древность не знала представительства; оно перешло къ намъ отъ феодальнаго режима, „абсурднаго и несправедливаго, деградировавшаго человѣческій родъ". Даже въ Римѣ, гдѣ положеніе трибуновъ было такъ священно, никому не приходило въ голову узурпировать въ ихъ пользу права народа и обходиться безъ его санкціи, безъ плебисцита. И это несмотря на затрудненія, встрѣчавшіяся при плебисцитѣ, когда, какъ во времена Гракховъ, часть гражданъ подавала свой голосъ съ высоты крышъ. Но „тамъ, гдѣ право и свобода выше всего, неудобства не играютъ никакой роли"... Выдвигая, такимъ образомъ, на мѣсто идеи представительства, какъ начала, по его мнѣнію, *анти-демократическаго*, идею народоправства, прямого народнаго законодательства, Руссо находитъ, однако, послѣднее неосуществимымъ для большихъ государствъ и въ холодномъ климатѣ. Въ 4-й главѣ III книги онъ даже заявляетъ, что истинной демократіи, въ строгомъ смыслѣ, еще никогда не существовало и никогда не будетъ существовать. „Если бы существовалъ народъ изъ однихъ боговъ, онъ управлялся бы демократически"; людямъ же это не подходитъ. Развивая эту мысль на протяженіи всего своего труда, Руссо высказываетъ не мало реакціонныхъ глупостей,

вызывающихъ невольное недоумѣніе у читателя *); тѣмъ не менѣе принципіальное изслѣдованіе и раскрытіе природы представительства нисколько не теряетъ отъ этого своей цѣны и оригинальности; его критикой пользовались впослѣдствіи всѣ радикальные демократы **).

И такъ, первое основное возраженіе противъ системы представительства, дѣлаемое радикальной или чистой демократіей, состоитъ въ доказательствѣ его анти-демократичности, его непримиримато противорѣчія политической свободѣ. Выбирать себѣ безотвѣтственнаго и полновластнаго господина на нѣсколько лѣтъ, даже на одинъ день, несовмѣстимо съ такой свободой и не имѣетъ ничего общаго съ народоправствомъ, съ демократіей.

Второе возраженіе сводится къ тому, что парламентарная система представительства *покоится на фикціи*, вводящей въ самое обидное заблужденіе избирателей и прежде всего, конечно, народныя массы. Первымъ, заговорившимъ о такой фикціи, былъ на сколько намъ извѣстно, Риттинггаузенъ ***). Его критикой пользовались впослѣдствіи и развивали дальше Левердэ ****), Франтцъ *****) и другіе. Существованіе этой фикціи признавалъ даже такой другъ парламентаризма и противникъ идей

---

*) Таковы, напримѣръ, стр. 56, 100, 104 и друг. du Conrat Social.

**) Разставаясь съ Руссо, отмѣтимъ еще слѣдующее оригинальное мѣсто изъ его „Договора“: говоря о древности, гдѣ прямое народное законодательство совмѣщалось съ рабствомъ, Руссо изъ глубины XVIII вѣка обращается къ современнымъ такъ наз. „свободнымъ“ націямъ съ ироническимъ замѣчаніемъ—„а вы, современные народы, у васъ нѣтъ болѣе рабовъ(?), но вы сами рабы, вы поплатились за ихъ свободу своею собственной и хвастаетесь этимъ, тогда какъ я нахожу здѣсь больше низости, чѣмъ человѣчности“... (p: 181).

***) „Die unhaltbaren Grundlagen des Repräsentativ—Systems“. (Köln, 1869), стр. 3—14.

****) „Les Assemblées parlantes“, p.p. 7—10, 66 et Suiv.

*****) „Die Naturlehre des Staates“ B. IV, S. 272 ff.

Риттингаузена, какъ Луи-Бланъ *). Спрашивается: что же это за фикція?

Сущность ея состоитъ въ примѣненіи къ парламентаризму *совершенно несоотвѣтственнаго термина* — „народное представительство“, вызывающаго въ массѣ преувеличенное представленіе объ ея политическихъ правахъ и убаюкивающаго ее поэтому чрезмѣрными надеждами. „Представитель“ въ обычномъ смыслѣ слова есть: 1) уполномоченный того или иного лица, группы лицъ, цѣлаго округа, 2) дѣйствующій отъ имени своего довѣрителя, 3) въ безусловной отъ него зависимости и 4) согласно даннымъ ему инструкціямъ. Совершенно иное положеніе занимаетъ „представитель“ — членъ парламента: разъ избранный въ данномъ округѣ онъ теряетъ всякую юридическую, всякую реальную связь со своими избирателями и не обязанъ нисколько соображаться съ ихъ взглядами и интересами. Не слуга онъ ихъ, а хозяинъ, и при томъ хозяинъ не только ихъ однихъ, но и всей страны, которая его не знаетъ, или, по крайней мѣрѣ, его не выбирала. Такова одна изъ коренныхъ правовыхъ основъ парламентаризма, таковъ одинъ изъ его устоевъ. А потому, о выборѣ народомъ своихъ „представителей“ въ парламентъ не можетъ быть и рѣчи: онъ выбираетъ, въ дѣйствительности, своихъ *господъ*, своихъ повелителей, и при томъ не только для самихъ себя, но и для всей страны.

Но этимъ однимъ еще не исчерпывается, по мнѣнію радикальныхъ демократовъ, вся внутренняя ложь современнаго „народнаго представительства“. Къ первоначальной фикціи, по которой избиратели переносятъ будто-бы свою волю на избран-

*) „Plus de Girondins.“ (Paris, 1851). p. 50.

ныхъ, присоединяется еще новая фикція, а именно, будто всякій депутатъ заступаетъ не только своихъ избирателей, но точно также весь народъ, т. е. всѣ остальные избирательные округа, которые, какъ справедливо говоритъ Франтцъ, „въ большинствѣ случаевъ не знаютъ этого господина даже по имени, или же, если его и знаютъ, то отвергаютъ и, можетъ быть, ненавидятъ. Не бѣда, у него и ихъ воля въ карманѣ. Только при этомъ не видно, какимъ образомъ это происходитъ, потому что эти избирательные округа ему не передали ни одной части своей воли; тотъ же округъ, который его избралъ, не могъ располагать волею другихъ избирательныхъ округовъ. Какимъ же образомъ депутатъ находится въ положеніи, при которомъ онъ можетъ говорить отъ имени всего народа, какъ будто-бы его выбралъ весь народъ. Это чудо чудесъ“... *) Но въ силу такого „чуда“ существо отношеній между депутатомъ и избравшимъ его округомъ получаетъ совершенно ненормальный характеръ: съ этимъ округомъ депутатъ ничѣмъ не связанъ, *онъ не его представитель*, а всей страны, инструкцій получать отъ него не имѣетъ права, отчета въ своихъ дѣйствіяхъ давать не обязанъ. И такова участь всѣхъ избирательныхъ округовъ, т. е. всей страны, всего населенія, таковы его „права“ въ государственномъ управленіи, такова хитрая механика современнаго парламентаризма и представительной „демократіи“!..

Но и этимъ еще не исчерпывается вся одуряющая ложь „всенароднаго представительства“: послѣднее противопоставляется, обыкновенно, „правительству“, „государству“, какъ орудіе „на-

*) „Die Naturlehre des Staates“, S. 278—280.

родной воли", тогда какъ, въ дѣйствительности, парламентъ есть самая важная часть государственной машины, есть орудіе „*правительственной*", а не народной воли. О такомъ странномъ недоразумѣніи относительно самой природы „всенароднаго представительства" говоритъ даже цитированный уже выше сборникъ „Конституціонное Государство" *).

„Ученіе о конституціонномъ государствѣ—читаемъ мы тамъ – вырабатывалось въ значительной степени еще подъ вліяніемъ идей, сохранившихся съ того времени (отъ среднихъ вѣковъ). Народное представительство противополагалось тогда „правительству",—депутаты разсматривались, какъ представители избравшаго ихъ округа, имъ давались точныя указанія, какъ держать себя по тому или другому вопросу, такъ наз. mandat imperatif". Въ настоящее время мы видимъ совсѣмъ иное: „Народное представительство теперь не органъ, выражающій взгляды населенія отдѣльныхъ избирательныхъ округовъ или осуществляющій принадлежащія имъ полномочія, противополагаемыя полномочіямъ правительства; это не представители какого-то внѣправительственнаго начала, ограничивающіе государственную власть. Народное представительство есть одинъ изъ органовъ государственной власти надъ обывателями"...

И такъ, парламентъ, даже самый „демократическій", всегда есть орудіе господства надъ народомъ; онъ есть та почва, которая даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ распространяетъ вокругъ себя ложь, фальшь и деморализацію, ибо это есть почва власти и произвола. Парламентъ, предста-

*) См. статью Н. И. Лазаревскаго: „Народное представительство и его мѣсто въ системѣ другихъ государственныхъ установленій", стр. 179—181.

вительная система—это скрытый деспотизмъ; онъ можетъ быть и хуже и лучше абсолютистскаго режима, но всегда и всюду онъ не имѣетъ ничего общаго съ истиннымъ демократизмомъ. Парламентаризмъ есть пародія на демократію, хуже—ея хитроумная фальсификація, вводящая въ заблужденіе народныя массы относительно ихъ самыхъ насущныхъ правъ и обязанностей. Неудивительно послѣ этого, если въ дѣйствительности, въ исторіи, парламентаризмъ всѣхъ временъ и народовъ оказывался столь же самовластнымъ, столь же чуждымъ всякой гуманности, столь же преступнымъ, какъ и всѣ другія формы насильственнаго режима.

Когда вслѣдъ за буржуазіей выступила новая общественная сила, новый подымающійся господскій классъ—интеллигенція, то этотъ классъ объявилъ войну всѣмъ крупнымъ владѣльцамъ средствъ и орудій производства, запугалъ мелкихъ собственниковъ перспективою ихъ неизбѣжнаго поглощенія капиталомъ, льстивыми рѣчами привлекъ къ себѣ симпатіи рабочихъ массъ и съ помощью ихъ пошелъ на завоеваніе парламента. Подобно буржуазіи, во время борьбы ея съ абсолютизмомъ, обѣщавшей рабочимъ массамъ свободу, равенство и братство, соціалистическая интеллигенція въ свою очередь стала раскрывать передъ рабочими классовой обманъ либеральныхъ партій, съ тѣмъ, конечно, чтобы замѣнить его новымъ, еще болѣе рафинированнымъ обманомъ въ угоду своему классу—умственныхъ работниковъ. Соціалистическія партіи говорили рабочимъ массамъ правду, *но не всю правду* и не только одну правду. Онѣ не говорили, что парламентъ въ классовомъ строѣ не можетъ не быть только орудіемъ классового господства всевозможныхъ привиллегированныхъ

слоевъ общества; онѣ не показали рабочимъ, что при ихъ необразованности и тяжкихъ условіяхъ ихъ существованія въ парламенты по общему правилу могутъ попадать лишь представители чуждыхъ и враждебныхъ ему классовъ,—нѣтъ, соціалисты говорили и продолжаютъ говорить имъ совсѣмъ другія рѣчи, гдѣ правда до того искусно смѣшана съ ложью, что трудно отличить одну отъ другой. Современный парламентъ — говорили они „пролетаріямъ всѣхъ странъ“ – есть орудіе буржуазнаго господства; но организуйтесь, устремите вашу энергію на избраніе своихъ представителей, завоевывайте, гдѣ еще нѣтъ, всеобщее избирательное право, и тогда—сегодняшнее орудіе господства станетъ средствомъ вашего освобожденія. О томъ, что пролетарій можетъ послать въ парламенты только образованныхъ говоруновъ, о томъ, что классовые интересы этихъ господъ враждебны таковымъ же интересамъ пролетаріата, и что слѣдовательно такъ наз. представители пролетаріата необходимо окажутся въ роли волковъ въ овечьей шкурѣ,—соціалистическая интеллигенція благоразумно умалчивала и умалчиваетъ.

Въ своей критикѣ буржуазнаго парламентаризма соціалистическая интеллигенція разбалтывала по пути многія тайны парламентарнаго режима вообще и тѣмъ самымъ невольно послужила истинѣ. — Что такое республика? — спрашивалъ К. Марксъ и отвѣчалъ: „буржуазная республика въ Европѣ означаетъ *неограниченное деспотическое господство* одного класса надъ другими“. Въ своемъ введеніи къ 3-му нѣмецкому изданію „Гражданскія войны во Франціи“ Фридрихъ Энгельсъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ опредѣляетъ современную парламентскую республику, какъ

специфически — буржуазную форму государственности: „Иной—говоритъ онъ—воображаетъ себя богъ знаетъ какимъ смѣльчакомъ, когда отказывается отъ вѣры въ наслѣдственную монархію и становится приверженцемъ демократической республики. Въ дѣйствительности же государство въ демократической республикѣ *не меньше, чѣмъ въ монархіи* (к. н.), есть лишь машина *для угнетенія одного класса другимъ*“ (к. н.)... Такъ критиковали соціалисты парламентарный строй, и въ этомъ дѣлѣ ей помогли и радикальные мелко-буржуазные элементы, выступившіе противъ парламента во имя такъ наз. прямого народнаго законодательства, болѣе соотвѣтствующаго ихъ интересамъ. Въ качествѣ tertius gaudens оказались всевозможныя консервативныя и реакціонныя фракціи, завопившія о „банкротствѣ парламентаризма“. Вся возмутительнѣйшая грязь этого политическаго режима, всѣ закулисныя его тайны и интриги были вытащены на свѣтъ Божій и наполнили общественную атмосферу самыми неблаговонными ароматами. Заговорили о „кризисѣ“ парламентаризма, но это была одна лишь пустая болтовня, поднятая въ горячности взаимной грызни изъ-за овладѣнія этимъ превосходнымъ средствомъ порабощенія и надувательства рабочихъ массъ. Несмотря на пятьдесятъ лѣтъ „банкротства“ и „кризиса“ парламентаризма, послѣдній продолжаетъ неукоснительно функціонировать во всѣхъ странахъ (за исключеніемъ мелкобуржуазной Швейцаріи) и находится даже въ наши дни наканунѣ подчиненія своему режиму такой огромной территоріи, какъ русское государство.

Нѣтъ, парламентаризмъ является превосходнымъ средствомъ одурачиванія рабочихъ массъ и консолидированія рабочей неволи, и ужъ это одно

обстоятельство гарантируетъ ему дальнѣйшее существованіе и развитіе. А что касается моральныхъ язвъ этого режима, подкапывающихъ якобы его существованіе, то объ этомъ могутъ говорить лишь большіе шутники. Интриги, козни, подкупы... ха-ха-ха! какъ будто все это не принадлежитъ необходимо къ арсеналу властвованія и порабощенія?!

Впервые заговорили о „кризисѣ парламентаризма“, какъ объ одной изъ органическихъ „болѣзней“ современныхъ, такъ называемыхъ „свободныхъ“ обществъ, въ восьмидесятыхъ годахъ. Толчкомъ послужила статья Эмиля де-Лавелэ, появившаяся въ 1882 г. въ декабрьской книжкѣ извѣстнаго парижскаго журнала Revue des Deux Mondes. Авторитетное слово извѣстнаго демократа и буржуазнаго ученаго, поставившаго удачный діагнозъ модной политической „болѣзни“, обратило на себя всеобщее вниманіе, въ особенности когда онъ немного позднѣе, въ предисловіи къ труду Prins'a „La Démocratie et le Régime parlementaire“, произнесъ еще болѣе суровый приговоръ надъ современными парламентарными порядками. Повсюду стали писать и говорить о „кризисѣ“, въ демократическихъ клубахъ и въ аристократическихъ салонахъ, въ реакціонныхъ органахъ съ нескрываемымъ злорадствомъ, въ республиканскихъ съ меланхолической растерянностью. Но рѣдко кому приходило въ голову, что не Лавелэ былъ первымъ, открывшимъ кое-какія внутреннія непримиримыя противорѣчія парламентаризма и его коренные, органическіе пороки; рѣдко кто думалъ также и о томъ, что обнаруженныя Эмилемъ де-Лавелэ больныя язвы либеральнаго режима раскрылись, въ дѣйствительности, гораздо раньше,—можно сказать, съ самаго поя-

вленія его на историческую сцену, но особенно послѣ разбитыхъ иллюзій и надеждъ 48-го года.

Уже въ 1849 году зарождаются два теченія, хотя и не совсѣмъ схожихъ по своимъ конечнымъ цѣлямъ, но одинаково враждебныхъ къ парламентаризму. Представителемъ перваго теченія, индивидуалистическаго, былъ Прудонъ, книга котораго „Les confessions d'un révolutionnaire“ вышла въ октябрѣ 49-го года. Представителемъ второго теченія, соціалистическаго, выступилъ почти одновременно съ Прудономъ Риттинггаузенъ, который идеѣ представительства противопоставилъ идею прямого народнаго законодательства. Въ книгѣ Прудона мы еще не замѣчаемъ, однако, радикальнаго разрыва съ идеей представительства, который произошелъ нѣсколько позже, въ 1851 году, въ другой его книгѣ: „Idée générale de la Révolution au XIX siècle“, но уже и въ „Confessions“ мы находимъ критическое настроеніе автора къ недавнему кумиру. Самъ недавній членъ учредительнаго собранія, Прудонъ, такъ изображаетъ въ „Исповѣди“ свое тогдашнее настроеніе:

„Избранный въ народные представители, вступалъ я въ Учредительное Собраніе съ робостью ребенка, съ жаромъ новообращеннаго. Съ девяти часовъ утра усердствуя въ засѣданіяхъ бюро и комиссій, покидалъ я Учредительное Собраніе только вечеромъ, истомленный усталостью и отвращеніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я взобрался на этотъ парламентскій Синай, я потерялъ всякія связи съ массой. Всецѣло погруженный въ свои законодательныя работы, я совершенно потерялъ изъ виду злободневные интересы... Надо самому пожить на этомъ изолированномъ стулѣ, который зовутъ Національнымъ Собраніемъ, чтобы понять, что людьми, пребывающими въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относи-

тельно состоянія своей страны, являются какъ разъ именно тѣ, которые ее представляютъ. Я читалъ все, что только доставляло распредѣлительное бюро народнымъ представителямъ по части предложеній, извѣщеній, брошюръ; я читалъ даже Moniteur и Бюллетень Законовъ. Большинство моихъ товарищей изъ лѣвой и крайней лѣвой пребывало въ подобномъ же нравственномъ смущеніи, въ такомъ же невѣдѣніи по части ежедневно совершающихся событій... Злосчастное учебное время! Результатомъ такого парламентарнаго замѣшательства, въ которомъ мнѣ приходилось жить, было то, что я потерялъ всякое пониманіе вещей и еще 24 іюня спрашивалъ, дѣйствительно ли поводомъ къ возстанію послужило распущеніе національныхъ мастерскихъ"... *).

Очевидно, что отъ такихъ признаній было уже недалеко до полнаго отрицанія идеи представительства. Но у Прудона это отрицаніе повело къ анти-демократической идеѣ анархизма, тогда какъ у Риттингаузена и его послѣдователей, наоборотъ, критика парламентаризма не мало посодѣйствовала уясненію основныхъ началъ такъ называемаго чистаго демократизма. Прудонъ и его послѣдователи реагировали противъ современныхъ имъ порядковъ во имя „безначалія", школа Риттингаузена—во имя прямого народнаго законодательства, во имя „народоправства". Будучи самъ нѣмецкаго происхожденія, Риттингаузенъ, бывшій членъ злосчастнаго Франкфуртскаго парламента въ 1848 году, началъ пропаганду своихъ идей въ Кельнѣ, но черезъ годъ принужденъ былъ перенести ее во Францію, гдѣ ему удалось сразу же создать цѣлое движеніе въ пользу „прямого на-

*) Les confessions d'un révolutionnaire, p. 126.

роднаго законодательства". Въ сентябрѣ 1850 г. онъ опубликовалъ въ парижской газетѣ „La démocratie pacifique" три статьи подъ общимъ заглавіемъ: „Прямое народное законодательство или истинная демократія", вышедшія впослѣдстіи отдѣльной брошюрой *). Основная идея этихъ статей была та, что представительная система есть по-преимуществу буржуазная форма правленія, не имѣющая ничего общаго съ „истинно-демократическими" началами. Народная воля никогда не можетъ быть выражена въ формѣ народнаго представительства, которое *по самому своему существу* порождаетъ цѣлый рядъ отрицательныхъ явленій, свойственныхъ парламенту. Франція использовала всѣ возможныя формы правленія, и теперь остается ей только одно спасеніе, одинъ выборъ: прямое народное законодательство.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ къ Риттингаузену присоединился и извѣстный вождь фурьеристской школы, Викторъ Консидеранъ, выпустившій одну за другой двѣ брошюры, указывавшія на „непосредственное правительство народа", какъ единственно возможный и желательный исходъ изъ того позорнаго состоянія, въ какое ввергла Францію буржуазная республика. Въ первой изъ этихъ брошюръ, озаглавленной: „La solution, ou le gouvernement direct du peuple" (Paris, Décembre 1850), Консидеранъ „смиренно сознается, что, хотя участіе всѣхъ въ законодательствѣ и есть именно та форма управленія, которая свойственна фурьеристской системѣ", но что ему все же никогда еще не приходила въ голову мысль о возможности ея осуществленія уже въ ближай-

*) Есть и на нѣмецкомъ языкѣ. См. M. Rittinghausen. Ueber die Nothwendigkeit der direkten Gesetzgebung durch das Volk. Köln, 1869. Мы пользуемся нѣмецкимъ изданіемъ.

шее время. „Послѣ февральской революціи такое упущеніе было бы уже непростительно“. Во второй своей брошюрѣ: „Les quatre crédits“ (Paris 1850) онъ еще болѣе подробно останавливается на той же идеѣ. Популярность послѣдней росла съ такой быстротой, что къ началу 1851 года болѣе двадцати повременныхъ органовъ взялись за ея пропагандированье, въ томъ числѣ и газета Ледрю-Роллена „La voix du Proscrit“. Въ февралѣ 51-го г. обратила на себя всеобщее вниманіе статья этого недавняго еще вождя республиканской „Горы“, принужденнаго бѣжать въ Англію, носившая заглавіе: „Не надо болѣе президента, не надо народныхъ представителей“. Подъ то же знамя не замедлили вскорѣ стать и Викторъ Гюго, Шоссидьеръ, Делеклюзъ, Милльеръ, Феликсъ Піа—послѣдніе три будущіе члены Коммуны, и другіе. На сколько увлеченіе всѣхъ радикальныхъ республиканскихъ элементовъ новой политической идеей было всеобщимъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Прудонъ, говоря, что, если бы вопросъ о прямомъ законодательствѣ былъ подвергнутъ въ то время народному голосованію, онъ былъ бы навѣрное рѣшенъ „громаднѣйшимъ большинствомъ“ въ положительномъ смыслѣ *). „Прямое законодательство—говоритъ Риттингаузенъ—было и въ самомъ дѣлѣ первымъ лучемъ надежды, озарившимъ ту темную ночь, какая придавила собою французскую демократію вслѣдствіе примѣненія превратнаго принципа“. Передъ лицомъ надвигавшейся опасности государственнаго переворота, который въ тѣ дни чуялся уже въ воздухѣ, у демократіи не было уже другого, болѣе живого лозунга, во имя котораго она могла бы объединить свои силы,

*) Proudhon: Idée générale de la révolution, 1851, p. 168.

какъ именно тотъ, который былъ провозглашенъ Риттинггаузеномъ. Идея представительства возбуждала у многихъ ненависть и презрѣніе; на всеобщее избирательное право сыпались насмѣшки и ругательства. Встать на защиту его отъ всеобщихъ нападокъ рѣшился лишь одинъ Луи-Бланъ, желавшій удержать представительную систему и предлагавшій съ своей стороны лишь цѣлый рядъ мѣръ, способныхъ, по его мнѣнію, гарантировать народъ противъ измѣны и тираніи его депутатовъ. Этому вопросу онъ посвятилъ двѣ брошюры, вышедшія въ одномъ и томъ же году (1851): 1) „La république une et indivisible“ и, въ особенности, 2) „Plus de Girondins!“, гдѣ онъ пытался сроднить Риттинггаузена и его сторонниковъ съ жирондистской партіей великой французской революціи. За эту послѣднюю брошюру онъ получилъ суровую отповѣдь со стороны Делеклюза, помѣстившаго противъ него въ органѣ Ледрю-Роллена „La Voix du Proscrit“ большую статью подъ заглавіемъ: „Прочь съ доктринерами, прочь съ диктаторами!“ Критическія статьи Луи Блана, а также Прудона, рекомендовавшаго безначаліе, вызвали отповѣдь и состороны самого Риттинггаузена, выпустившаго противъ нихъ брошюру: „La legislation directe par le peuple, et ses adversaires“ (Bruxelles, 1852). Въ ней мѣтко отмѣчались всѣ внутреннія противорѣчія анархистской доктрины Прудона, а противъ Луи Блана указывалось на фатальную безплодность всѣхъ предлагаемыхъ имъ поправокъ и на неосновательность сдѣланныхъ имъ противъ прямого народнаго законодательства возраженій. Язвы парламентаризма не поддаются излѣченію,—писалъ Риттинггаузенъ,—онѣ органически присущи представительной системѣ, какъ чисто буржуазной формѣ государственнаго строя.

Истинная демократія есть самоуправленіе народа, народоправство, несовмѣстимое съ отчужденіемъ власти такъ наз. представителямъ.

Въ самый разгаръ этой полемики, нисколько, впрочемъ, не препятствовавшей начавшемуся было возрожденію новой демократической партіи подъ новымъ знаменемъ, грянулъ вдругъ громъ государственнаго переворота, „18-е Брюмера Луи-Бонапарта“. Маленькій Наполеонъ довершилъ дѣло, начатое республикой. Буржуазія, вмѣстѣ съ такъ называемыми всенародными представителями, сдѣлала, съ своей стороны, все, чтобы скомпрометировать республиканскій строй въ глазахъ народа. Никогда еще Франція не знала такихъ возмутительныхъ преступленій противъ элементарнѣйшихъ началъ свободы и гуманности,—ни до 48 года ни даже въ двадцатилѣтній періодъ императорства Наполеона III,—какіе совершены были въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ „всенародными представителями“. Какой же интересъ могла имѣть вся эта чисто внѣшняя перемѣна декораціи для голодныхъ рабочихъ массъ Франціи, такъ жестоко обманутыхъ въ своихъ завѣтнѣйшихъ надеждахъ и желаніяхъ? Какая разница между осаднымъ положеніемъ, исходящимъ отъ лица парламента, и императорскимъ режимомъ Бонапарта?

Изъ всего вышесказаннаго очевидно, въ какую густую паутину лжи, обмана и тщетныхъ надеждъ попадаетъ рабочій классъ всякій разъ, какъ вмѣсто самостоятельнаго пролетарскаго пути непосредственной экономической борьбы, начинаетъ принимать участіе въ парламентарно-представительно-избирательной комедіи! Тутъ, что ни шагъ то обманъ, что ни „право“, то мыльный пузырь, сбивающій лишь съ толку и безъ того одураченныя массы.

На почвѣ экономическаго угнетенія не можетъ быть свободнаго представительства рабочей воли и рабочихъ интересовъ, какъ бы „всеобще“ ни было избирательное право и какъ бы ни была либеральна дарованная свыше или взятая съ низу конституція. Учредительное Собраніе будетъ фатально выражать мнѣніе и волю лишь господствующихъ классовъ, какъ бы старательно мы ни называли его „всенароднымъ“. Такое Учредительное Собраніе будетъ лишь центральной биржей экономически господствующей буржуазіи, и какія бы либеральныя реформы такое Собраніе намъ ни дало, рабочій классъ все же останется въ старомъ положеніи эксплуатируемаго вьючнаго скота человѣческой исторіи. Мы не раздѣляемъ анархическихъ воззрѣній, но мы не можемъ не подписаться подъ слѣдующими строками одной анархической газеты, гдѣ сказано „Хитрую механику, хитрые порядки завела у себя буржуазія западноевропейская. А что всего хитрѣе, что всего искуснѣе, такъ это парламентъ, представительство „народное“. Въ этомъ собраніи все народъ свой— буржуазія; она является здѣсь безпредѣльнымъ властелиномъ. Вотъ здѣсь то и рѣшается судьба народа, его жизнь, его счастье. Создаютъ они, выборные его, во имя его же (народа) такіе законы, по которымъ его бьютъ и разстрѣливаютъ, если онъ не хочетъ больше терпѣть; рѣшаютъ дѣла его такъ, что онъ голодаетъ и нищенствуетъ, изнемогаетъ отъ непосильныхъ податей и налоговъ. Все это, выходитъ, создаетъ самъ народъ своими же руками! Народъ выходитъ, самъ себя бьетъ, самъ себя разстрѣливаетъ, самъ себя обираетъ. Онъ самъ себя въ цѣпи сковалъ, онъ, какъ та унтеръ-офицерская вдова, самъ себя высѣкъ“... („Безначаліе.“ № 2—3).

Будущему историку „кризиса парламентаризма“ придется, вѣроятно, съ нѣкоторыръ изумленіемъ остановиться на подобномъ же анти-парламентарномъ теченіи въ семидесятыхъ годахъ *въ Россіи*. „Кризисъ“ парламентаризма въ странѣ безъ парламента—явленіе, само по себѣ,крайне курьезное, заслуживающее того, чтобы остановить на себѣ вниманіе историка. Но фактъ тѣмъ не менѣе тотъ, что наши народники 70-хъ годовъ, и притомъ всѣхъ оттѣнковъ, были противъ парламента, не хотѣли его, даже болѣе—*боялись* его, и только къ началу восьмидесятыхъ годовъ, съ усиленіемъ чисто политическаго движенія, на парламентъ и „конституцію“ стали смотрѣть какъ на необходимый и *полезный* промежуточный этапъ общественнаго прогресса. Причинъ такого оригинальнаго явленія много. Не обошлось тутъ и безъ обычнаго „вліянія Запада“, хотя не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и западно-европейскій антипарламентаризмъ складывался въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ Россіи,—точнѣе, подъ вліяніемъ русскаго, Бакунина. Ошибочнымъ было бы однако полагать, что антипарламентарное настроеніе нашего народничества возникло лишь благодаря неутомимой пропагандѣ этого недюжиннаго человѣка. Еще до появленія у насъ такъ наз. „бакунистовъ“ (1873 г.), въ концѣ шестидесятыхъ годовъ стали печататься въ книжкахъ „Недѣли“ „Историческія письма“ П. Л. Лаврова (переизданныя недавно редакціей „Русскаго Богатства“), гдѣ парламентарная система народнаго представительства подвергнута была самой суровой критикѣ. „Всѣ политическія партіи—писалъ онъ въ 1867 году—съ ихъ конституціонными идеалами болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякая попытка замѣнить централизованную и буржуазную имперію

централизованной и буржуазной республикой, замѣнить существующее распредѣленіе территорій другими распредѣленіями съ другими центрами и другими законами,—все это враждебно намъ въ самомъ своемъ существѣ и индифферентно для насъ въ своемъ проявленіи...“ *). Эти рѣшительныя слова лишь ставили точку надъ і, выражали извѣстную враждебность тогдашнихъ „лавристовъ“ и другихъ народниковъ ко всему „буржуазному“, начиная съ парламента и кончая самой буржуазной республикой. Въ такомъ же смыслѣ, только болѣе „сангвинически“, высказывался и Михаилъ Бакунинъ: „Нужно—говорилъ онъ—быть осломъ, невѣждою, сумасшедшимъ, чтобы вообразить себѣ, что какая-нибудь конституція, даже самая либеральная и самая демократическая, могла бы измѣнить къ лучшему отношеніе государства къ народу; ухудшить, сдѣлать его еще болѣе обременительнымъ, разорительнымъ — пожалуй, хотя и трудно, потому что зло доведено до конца; но освободить народъ, улучшить его состояніе—это просто нелѣпость“. („Гос. и Ан.“ 96)...

Въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій, когда почти все вниманіе рабочихъ партій было сосредоточено вокругъ избирательной и парламентской борьбы, когда парламентаризмъ на Западѣ обновлялся, повидимому, новыми живыми силами, „кризисъ“ все-таки не унимался и все болѣе сталъ привлекать къ себѣ вниманіе публицистовъ, политиковъ и ученыхъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ лагерямъ. Даже беллетристы избирали темой своихъ произведеній парламентскіе типы и нравы. Таковы, напримѣръ, Вогюэ, съ его этюдомъ „Les Morts qui parlent,

*) См. „Впередъ“ 1876 г. № 26—28.

scènes de la vie parlementaire“ (Paris, 1899), Леонъ Додэ съ его произведеніемъ „Au pays des Parlementeurs“, Барресъ (Une Journée des Parlementeurs), Мирбо въ первой части „Jardin des Supplices“ и т. д., представившіе намъ отталкивающій міръ кривляющихся, изолгавшихся, до мозга костей деморализованныхъ „парламенторовъ“. Авторы безжалостно сгущали краски и нерѣдко сваливали на отдѣльныя лица недостатки самаго режима, но, въ общемъ, типы схватывались вѣрно, общая парламентская „атмосфера“ мелочной борьбы и закулисныхъ интригъ передавалась съ чисто художественнымъ реализмомъ. Беллетристы рисовали болѣзнь въ живыхъ, яркихъ краскахъ, а публицисты и ученые ставили діагнозъ и искали средствъ спасенія. Были и такіе, что кончали свой діагнозъ болѣе или менѣе рѣшительнымъ смертнымъ приговоромъ. Cela s'en va tout seul, — какъ заявляетъ капитанъ Пьеръ въ упомянутомъ этюдѣ Вогюэ... „Парламентаризмъ кончается“ и никакое лѣченіе ему уже не поможетъ, — припѣвъ многихъ произведеній, появлявшихся по данному вопросу въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій. Къ такому пессимистическому выводу приходитъ, напримѣръ, извѣстная книга Левердэ: „Les assemblées parlantes“, представляющая собою самую радикальную, хотя и нѣсколько путанную, критику представительной системы и парламентаризма *). По мнѣнію Левердэ, даже въ самыхъ радикальныхъ конституціяхъ либерализмъ „не искренень“, такъ какъ онъ повсюду стремится подчинить народъ буржуазному господству въ лицѣ парламента. Даже Конвентъ стремился, путемъ своихъ декретовъ, стать изъ ору-

*) E. Leverdaus: Les Assemblèes parlantes, critique du gouvernement représentatif. Paris, 1883.

дія народной воли ея верховнымъ повелителемъ. Говоря о майскихъ событіяхъ 71-го года въ Парижѣ (подавленіе Коммуны республиканскими войсками), онъ пишетъ: „Это было самое страшное избіеніе во всей нашей исторіи со времени XIII вѣка. Представительныя собранія и всѣ, дѣйствующія ихъ именемъ, съ легкимъ сердцемъ декретируютъ такія бойни. Какой-нибудь деспотъ не рѣшился бы на это, побоялся бы утонуть въ крови. Но чѣмъ становится отвѣтственность, раздѣляющаяся на семь сотенъ головъ? Сколько труповъ на каждаго? Тридцать или сорокъ... Эка важность!“.. Представительная система есть ложь, покоющаяся на лжи и не порождающая ничего, кромѣ лжи, — такова коренная руководящая идея этой книги, написанной рукой не какого-либо консерватора или реакціонера, а самаго крайняго радикала.

Двумя годами позже въ томъ же духѣ высказался и извѣстный историкъ Тэнъ. Во имя принциповъ „свободы и правъ“ „личности“, онъ написалъ самую рѣзкую критику противъ делегированія депутатамъ законодательной власти и, вообще, національнаго суверенитета *). Упомянемъ здѣсь также интересную статью Мичели: „La Tyranie des Chambres“, небольшой этюдъ по парламентскому праву, напечатанный въ VII томѣ „Revue politique et parlamentaire“; столь же интересную статью Вандервельда „Les contrepoids du parlementarisme“, въ брюссельскомъ журналѣ „Avenir Social“ за 1896 г.; критику парламентарныхъ нравовъ Эйхталя, Лебона и другихъ...

Мы бы долго еще не кончили, если бы захотѣли упомянуть всѣ хотя бы наиболѣе интерес-

*) См. его „Origines de la France contemporaine“. Paris, 1885, t. III, pp. 130 et Suiv.

ныя статьи по данному вопросу. Но въ результатѣ этого великаго похода мы видимъ повсюду парламенты и парламентарный строй еще болѣе укрѣпившимися.

Исправленіемъ, укрѣпленіемъ и расширеніемъ парламентаризма въ послѣднее время особенно заняты соціалистическія партіи. Въ Германіи, не смотря на все истинное „банкротство“ парламентаризма, съ точки зрѣнія рабочихъ интересовъ, с.-д. партія предприняла цѣлый походъ для вовлеченія рабочихъ массъ въ борьбу за обновленіе ландтаговъ; въ Австріи рабочія массы, опять таки по наущенію соціалистовъ, демонстрируютъ и добиваются всеобщаго, равнаго и т д. избирательнаго права въ свой парламентъ. Въ Россіи мы видимъ дружную совмѣстную работу либераловъ, соціалдемократовъ, террористовъ въ виду завоеванія парламентарнаго режима. На съѣздѣ промышленниковъ въ сентябрѣ 1905 года одна изъ промышленныхъ группъ предложила возбудить вопросъ о непремѣнномъ участіи рабочихъ въ государственной думѣ, ибо „мѣра эта могла бы повліять успокоительно на рабочихъ и противодѣйствовать революціонной агитаціи“ (см. Кіевск. Новости“, 1905, № 252).

Всѣмъ „прогрессивнымъ“ партіямъ хочется во что бы то ни стало имѣть такіе же порядки, „какъ заграницей“. И не удивительно, въ Россіи чувствуется огромная потребность обновить („модернизировать“) методы и средства угнетенія и порабощенія массъ,—вотъ наши революціонныя партіи и стараются...

II.

Всеобщее, равное, прямое и тайное. . . . . надувательство.

Россійскимъ рабочимъ массамъ всѣми способами стараются внушить теперь, что, завоевавъ всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, онѣ, эти массы, тоже примутъ „участіе въ управленіи“, станутъ свободными гражданами, вершающими свои судьбы. Соціалисты всѣхъ фракцій и толковъ изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобы втянуть рабочихъ въ борьбу, хотя бы и кровавую, за всеобщее избирательное право, обѣщая имъ за это чуть ли не звѣзды съ неба.

И россійскій рабочій классъ повѣрилъ имъ и готовъ идти сложить свои головы за эти обѣщанныя звѣзды съ неба.

Не въ первый вѣдь разъ одурачены рабочія, плохо освѣдомленныя, массы и—не въ послѣдній. Все это въ порядкѣ вещей...

На самомъ же дѣлѣ всеобщее, равное и т. д. избирательное право, завоеванное рабочей кровью почти во всѣхъ странахъ Запада, *ничего не дало* рабочимъ массамъ; оно только отвлекло ихъ отъ борьбы за свои собственныя кровныя нужды, да замѣнило однихъ господъ-правителей другими, не лучшими.

Доказательствомъ этому служитъ весь огромный вѣковой опытъ западныхъ странъ; то же самое подтверждается и простымъ здравымъ раз-

мышленіемъ, не сбитымъ еще съ толку учеными баснями.

Когда восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ англійскій пролетаріатъ самостоятельно началъ борьбу свою за большій досугъ и болѣе сытный кусокъ хлѣба, когда борьба эта разразилась цѣлымъ рядомъ всеобщихъ экономическихъ стачекъ, тогда вмѣшались въ дѣло интеллигенты и стали увѣщевать рабочихъ направить свою борьбу на завоеваніе всеобщаго избирательнаго права.— Добейтесь права выбирать своихъ представителей въ парламентъ,—говорили эти ученые господа,— и вы такимъ способомъ скорѣе и лучше всего добьетесь хлѣба и досуга.

— Что же такое всеобщее избирательное право?— спрашивали сбитые съ толку рабочіе у этихъ сладкорѣчивыхъ политиковъ. И послѣдніе отвѣчали:

— Всеобщее избирательное право „это значитъ что у каждаго рабочаго будетъ на плечахъ хорошее платье и на головѣ хорошая шляпа, хорошій кровъ для его семьи, хорошій обѣдъ на столѣ; работа, отъ которой не будетъ страдать его здоровье и такое вознагражденіе за работу, которое обезпечитъ ему полный достатокъ“ *)

Рабочія массы Англіи повѣрили этимъ заманчивымъ обѣщаніямъ, пошли вслѣдъ за учеными краснобаями и въ своей большей части ждутъ еще и сегодня „хорошаго обѣда на столѣ“, и хорошаго крова для своихъ семействъ.

Всякому вѣдь извѣстно, что въ Англіи, этой странѣ „свободъ“, число безработныхъ, голодныхъ и холодныхъ не менѣе, чѣмъ у насъ, въ Россіи.

*) См. Чернышевъ: Всеобщее избирательное право, стр. 31. Замѣчательно, что авторъ, приводя эти слова, называетъ рѣчи чартистовъ „наивными“!

Да, всякому, но извѣстно ли нашему рабочему классу—вотъ вопросъ!

Такой же точно обманъ имѣлъ мѣсто и въ другихъ странахъ—во Франціи, въ Германіи, въ Италіи...

Такой же точно обманъ рабочихъ массъ совершается и у насъ теперь, въ Россіи. И у насъ рабочія массы, безъ всякихъ указокъ образованныхъ господъ, давно уже начали собственными силами вести борьбу за улучшеніе своей тяжкой доли. Рабочимъ массамъ и безъ добросердечныхъ господъ хорошо извѣстно, что ихъ гнететъ и давитъ; рабочій знаетъ, что для него первое дѣло — обезпеченіе отъ голода и безработицы, высокая заработная плата и короткій рабочій день, какъ у тѣхъ самыхъ господъ, что приходятъ къ нему со своими совѣтами да услугами. И россійскія рабочія массы постепенно расправляли свои силы, выступая то тамъ, то сямъ на правильную дорогу дружной экономической борьбы за улучшеніе своей доли.

Но и тутъ лукавый попуталъ. Пришли къ рабочимъ разные ученые господа и стали увлекать ихъ на другой путь, на борьбу за парламенты да „политическія свободы“, т. е. за тѣ самыя вещи, при которыхъ и до сихъ поръ околѣваютъ съ голоду рабочія массы въ Англіи, Америкѣ и другихъ странахъ. Тысячи, сотни тысячъ брошюръ распространяются теперь въ русскихъ рабочихъ массахъ, и въ этихъ брошюрахъ размалевываются порядки въ республиканскихъ странахъ: и начальство тамъ хорошее, и самъ народъ собою управляетъ. Ну, какъ не отложить русскому рабочему начатую имъ борьбу за лучшій кусокъ хлѣба и не пойти бороться, умирать за всеобщее избирательное право да за парламентъ!

Возьмемъ хотя бы г-жу Волькенштейнъ. Она говоритъ рабочимъ, что въ другихъ странахъ вотъ рабочій классъ имѣетъ уже всеобщее избирательное право: за то *„тамъ не стрѣляютъ въ безоружныхъ“*, *„начальство тамъ смирное, не дерется“*, *„народъ самъ собою управляетъ“*, и все дѣлается „для общаго блага“ (см. стр. 7). Но для всего этого нужно избирательное право, нуженъ парламентъ, нужно Учредительное собраніе, какъ и въ этихъ другихъ счастливыхъ странахъ. „Объ этомъ и говорятъ люди, которые ходятъ по улицамъ съ красными флагами. Этого же хотятъ тѣ образованные люди, которымъ дорого народное благо“...

Вотъ какъ говорятъ и пишутъ рабочимъ *образованные* люди, ходящіе по улицамъ съ *красными* флагами. Именно потому, что они образованные, они хорошо знаютъ, что это явная ложь, но имъ *нужно лгать*, ибо иначе рабочіе не пойдутъ за ними *).

Г-жа Волькенштейнъ говоритъ много о томъ, какіе подвохи бываютъ въ проведеніи всеобщаго избирательнаго права, но о томъ, что само это право есть самый большой подвохъ современной

---

*) О томъ, какъ „народъ самъ собою управляетъ“ въ республиканскихъ странахъ, какое тамъ начальство „смирное“, не стрѣляющее въ безоружныхъ, проговариваются иногда и сами господа соціалисты. „Стоитъ только вспомнить о Колорадо, — пишетъ, напримѣръ, извѣстный германскій соціалистъ Каутскій,—чтобы убѣдиться, какъ звѣрски буржуазія пользуется средствами насилія, которыя ей даетъ въ руки республика, когда дѣло идетъ о подавленіи упорствующихъ рабочихъ“... „Если дѣло идетъ объ осуществленіи требованій рабочаго класса,—говорилъ Бебель на Амстердамскомъ конгрессѣ,—то буржуазная республика направляетъ всѣ орудія власти противъ рабочихъ. Гдѣ возможно расправляться съ рабочими такъ жестоко и подло, какъ въ великой буржуазной республикѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ? Также и въ Швейцаріи, гораздо болѣе демократической странѣ, чѣмъ Франція, въ одно только это короткое лѣто (1904 г.) войска даже при самыхъ незначительныхъ стачкахъ шесть разъ высылались противъ рабочихъ“... „Рабочія бойни стали въ республикѣ отличительнымъ признакомъ всякой крупной стачки“... (Каутскій „Республ. во Франціи“).

соціалистической интеллигенціи, она, по весьма понятнымъ причинамъ, умалчиваетъ.

Всеобщее избирательное право нужно разнымъ образованнымъ господамъ, которые и будутъ, по общему правилу попадать въ парламентъ (или въ Думу). Да и какъ можетъ быть иначе?

„Парламентская работа — признаются они же сами—нуждается вообще все болѣе и болѣе въ спеціалистахъ во всѣхъ областяхъ общественной жизни; дѣятельность же соціалдемократической партіи въ парламентѣ требуетъ отъ ея членовъ не только умѣнія подвергнуть широкой и глубокой критикѣ законопроекты правительства и буржуазныхъ партій, но и самостоятельной творческой работы.“ *).

Такимъ образомъ, представителями рабочихъ массъ являются люди совершенно другого, господскаго класса, т. е. представителями овецъ оказываются обирающіе ихъ же волки.

Хитра механика, что и говорить...

На почвѣ классоваго насильственнаго строя, подъ тяжкимъ гнетомъ переутомленія, нужды и безработицы, въ атмосферѣ вынужденнаго невѣжества и сознательно-организованнаго обмана, при содѣйствіи колоссальной буржуазно-интеллигентской прессы, даже самое всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе не можетъ служить средствомъ проявленія рабочей воли, а всегда будетъ выраженіемъ воли господствующихъ классовъ.

Соціалистическія партіи хотятъ внушить пролетаріату, что при всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ голосованіи существуетъ полная свобода выборовъ, а слѣдовательно и дѣйствительная возможность выраженія „народной воли“. Такимъ

*) См. статью Когана въ журн. „Образованіе“ за 1906 годъ.

путемъ они вводятъ рабочихъ въ крайне вредное заблужденіе относительно самаго существа современнаго соціальнаго гнета, отвлекаютъ ихъ вниманіе отъ корня ихъ нищеты и рабства. Въ своихъ извѣстныхъ комментаріяхъ къ Эрфуртской программѣ Шёнланкъ утверждаетъ, между прочимъ, что германскимъ рабочимъ не достаетъ лишь назначенія выборовъ въ не-рабочій день, чтобы имѣть „дѣйствительную свободу выборовъ". По Каутскому, свобода выборовъ гарантируется „можно сказать—абсолютно" тайной подачей голосовъ. *).

Все это утвержденія, стоящія въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Свобода выборовъ невозможна въ классовомъ обществѣ, гдѣ существуетъ отношеніе господства и подчиненности. Въ Бельгіи выборы происходятъ въ воскресеніе, но о дѣйствительной свободѣ голосованія тамъ не можетъ быть и рѣчи. Самъ Шёнланкъ разсказываетъ тамъ же, какъ въ крупно-промышленныхъ округахъ, какъ, напримѣръ, въ Верхней Силезіи, въ Рейнскихъ провинціяхъ и Вестфаліи съ ихъ шахтами и каменоломнями, надзоръ и воздѣйствіе со стороны хозяевъ и ихъ ставленниковъ во время выборовъ „прямо возмутительны". „Въ коренныхъ мѣстахъ юнкерства, которое ведетъ своихъ подчиненныхъ со дворовъ и полей къ избирательнымъ ящикамъ, какъ барановъ на бойню (!), это зло проявляется самымъ ужаснымъ образомъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ протесты противъ выборовъ." И такъ, „свободные" избиратели въ роли барановъ, гонимыхъ на бойню,—таковъ „дѣйствительный" путь къ истинному выраженію рабочей воли. Но, быть можетъ, это происходитъ только въ Германіи? Возьмемъ республики. Во Франціи,

*) „См. Парламентаризмъ и Соціализмъ" Фр. изд. стр. 160.

—разсказываетъ Н. Е. Кудринъ,—не смотря на запрещеніе подкупа при избраніи подъ страхомъ тюремнаго заключенія и штрафа, клерикально-націоналистское движеніе и теперь еще опирается на формальную куплю-продажу голосовъ избирателей. „Не смотря на запрещеніе угрожать избирателю дубиной или полтиной, силой или обѣщаніемъ отнять мѣсто, можно было видѣть на лилльскихъ выборахъ 1902 г. рабочихъ богатѣйшаго фабриканта Мотта, идущихъ въ избирательные залы подъ командой мастеровъ, чтобы вотировать за хозяина противъ соціалиста Гэда". Н. Е. Кудринъ совершенно правильно замѣчаетъ, что *„не смотря на тайное вотированіе, избиратели не могутъ противостоять давленію могучихъ соціальныхъ силъ, представляемыхъ властью, капиталомъ или предразсудкомъ,"* т. е., другими словами не могутъ пользоваться той „политической свободой", которую предоставляетъ имъ современное классовое государство.

Въ той же своей статьѣ Н. Е. Кудринъ разсказываетъ со словъ Брайса о подобной же „свободѣ" выборовъ въ еще болѣе «демократической» республикѣ, въ Сѣверо-Американскихъ Соед. Штатахъ. «Мы можемъ смѣло сказать, что въ большинствѣ современныхъ странъ свобода голосованія терпитъ прежде всего оттого, что не смотря на разные пріемы секретнаго вотума, этотъ секретъ является секретомъ Полишинеля»...

Относительно С.-А. Соединенныхъ Штатовъ можно найти у Зомбарта цѣлый рядъ данныхъ, доказывающихъ невѣроятное распространеніе системы подкупа при выборахъ, при чемъ, конечно, покупаются голоса, главнымъ образомъ, бѣднѣйшихъ слоевъ общества, готовыхъ въ своемъ отчаяніи чуть ли не за гривенникъ подать свой голосъ за что и за кого угодно.

«Большія партіи въ Америкѣ—разсказываетъ Зомбартъ—имѣютъ деньги, которыми они могутъ покупать избирательные голоса прямо или косвенно... Онѣ располагаютъ всевозможными средствами для того, чтобы помогать сторонникамъ и вредить врагамъ. *Вотъ почему* къ нимъ стекаются большія массы, почему имъ принадлежитъ монополія въ политикѣ... Такая система «дѣлежа добычи «господствуетъ повсемѣстно въ Соединенныхъ Штатахъ, и она сводится въ сущности къ тому, что должности замѣщаются не по достоинству кандидатовъ, а лишь смотря по тѣмъ отношеніямъ, которыя связываютъ ихъ съ партіей“... Особенно интересны данныя относительно того, какъ покупаютъ „народную волю“ дѣйствительные хозяева заокеанской республики. Цѣна колеблется; въ среднемъ, напримѣръ, голосъ негра оцѣнивается въ 3 доллара... И рядомъ со всѣми этими заботами идетъ щедрое угощеніе въ кабакахъ, гдѣ вообще происходитъ можетъ быть самая великая часть всего выборнаго дѣла. Здѣсь партійный агентъ, котораго можно найти въ каждомъ безъ исключенія кабакѣ (часто это самъ хозяинъ) обрабатываетъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ надо залучить какимъ-нибудь другимъ путемъ, кромѣ денегъ или прямой поддержки. Каждаго избирателя партійный агентъ ловитъ на томъ, что составляетъ его слабость... Избирательная машина все приводитъ въ порядокъ, вліяя въ пользу своихъ кліентовъ на рѣшающія инстанціи, которыя сами, какъ избранные чиновники (!), по большей части въ полной ея власти.“ То же въ большемъ объемѣ повторяется и съ руководителями рабочихъ, съ главарями рабочихъ союзовъ и организацій. Имъ всегда улыбается особенно щедрая награда, если они присягаютъ на вѣрность господствующей партіи—

отъ прекрасно оплачиваемой должности фабричнаго инспектора до мѣста секретаря Штата. Господствующія партіи уже многіе годы съ величайшимъ успѣхомъ примѣняютъ это испытанное средство, чтобы сдѣлать безвредными самыхъ вліятельныхъ вождей рабочихъ посредствомъ раздачи доходныхъ должностей. *).

Такимъ путемъ при господствѣ всеобщаго избирательнаго права получается въ результатѣ парламентъ, гдѣ засѣдаютъ, по Энгельсу, „двѣ большія шайки политическихъ спекулянтовъ, пользующихся самыми безнравственными средствами для самыхъ безнравственныхъ цѣлей“.

Еще Шиллеръ устами Сапѣги замѣтилъ:

Hat der Bettler eine Freiheit, eine Wahl?
Er muss dem Mächtigen, der ihn bezahlt,
Um Brot und Stiefelseine Stimm' varkaufen.

что значитъ:

„Развѣ у нищаго есть свобода, возможность выбора? Онъ долженъ сильному, платящему ему, продать свой голосъ за хлѣбъ и сапоги“.

Современный пролетаріатъ — нищій не только матерьяльными благами, но и знаніями. Даже не продавая своего голоса „за хлѣбъ и сапоги“, онъ не имѣетъ свободы выбора: ему надо выбирать знающихъ и образованныхъ, вспоенныхъ и вскормленныхъ неоплаченнымъ трудомъ его же, пролетаріата.

Въ классовомъ строѣ „монополія политики“ всегда будетъ находиться въ рукахъ привиллегированныхъ слоевъ общества; ее не устранишь никакой „демократической“ реформой.

Не мѣшаетъ отмѣтить, что на это обстоятель-

*) См. „Очеркъ изъ исторіи развитія Сѣверо-Американскаго пролетаріата“. (Москва, 1906, изд. Трудъ и Воля).

ство указывалось еще Лавровымъ въ концѣ 60-хъ годовъ, когда впервые печатались его „*Историческія письма*“. Относительно учредительныхъ и законодательныхъ собраній въ рамкахъ современнаго классового общества Лавровъ писалъ:

„Въ наше время (т. е.,—замѣтьте, читатель—еще въ концѣ 60-хъ гг.!!) надежды на эти легальные органы общественнаго мнѣнія очень ослабѣли. Точно ли они представляютъ и могутъ ли представлять общественное мнѣніе, т. е. мнѣніе большинства взрослаго населенія страны? Мы видѣли, что условія физическаго развитія весьма недостаточно удовлетворены для большинства людей, условія же умственнаго и нравственнаго развитія—почти для всѣхъ. Въ такомъ случаѣ можно ли допустить, чтобы какое бы то ни было учредительное или законодательное собраніе выражало въ своихъ преніяхъ и постановленіяхъ дѣйствительное общественное мнѣніе? Такъ какъ тяжелыя заботы о насущномъ хлѣбѣ дѣлаютъ для огромнаго большинства личностей совершенно невозможнымъ участіе въ законодательствѣ, при сложныхъ формахъ, которыя ему приданы, и такъ какъ даже не многимъ личностямъ этого большинства, имѣвшимъ, случайно, возможность развиться умственно, настоящій общественный строй, въ большей части случаевъ, ставитъ всевозможныя препятствія, то и наличныя общественныя формы обусловливаются и измѣняются лишь представителями обезпеченнаго меньшинства... Общимъ правиломъ является сужденіе и рѣшеніе на основаніи исключительныхъ, эгоистическихъ интересовъ меньшинства, поставленнаго обстоятельствами у двигателя законодательной машины... Въ самомъ выгодномъ случаѣ законодательство является, такимъ образомъ, попыткою удовле-

творить минимуму потребностей массъ, для того чтобы предотвратить революціонные взрывы..." (Ист. П. Жен. изд. 1891 г. стр. 53—54).

Почти въ то же самое время Либкнехтъ произнесъ свою знаменитую фразу: „Долой культъ всеобщаго и прямого избирательнаго права!"—съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы, немного погодя, вмѣстѣ съ другими вождями германской соціальдемократіи, приняться за самое неутомимое прививаніе народу этого же культа. И лишь въ самое недавнее время нѣмецкій рабочій классъ начинаетъ мало-по-малу приходить къ сознанію той обидной шутки, какую ему приходилось продѣлывать въ теченіе долгихъ десятковъ лѣтъ вслѣдъ за своими вождями. И Фридебергъ имѣлъ полное основаніе сказать въ одномъ берлинскомъ собраніи рабочихъ (въ авг. 1904 г.), что „мы не прольемъ ни одной слезы" изъ-за потери избирательнаго права; наоборотъ, „мы будемъ лишь еще разъ изумляться глупости, отсутствію такта у нашихъ враговъ, которые откроютъ, наконецъ, рабочему классу глаза относительно того пути, по которому ему слѣдовало бы идти". Съ Фридебергомъ согласились уже тысячи берлинскихъ рабочихъ; но еще раньше на ту же точку зрѣнія стали постепенно становиться рабочіе Франціи, Испаніи, Голландіи и Италіи, ихъ глаза уже открываются на самообманъ, „кружившій" ихъ „по сторонамъ" въ теченіи долгихъ пятидесяти лѣтъ.

Къ несчастью, русскіе рабочіе ничего объ этомъ не знаютъ; ихъ не только не предостерегаютъ противъ такого самообмана, но даже, наоборотъ, ихъ всѣми способами стараются толкнуть на одуряющій путь парламентарно—избирательной комедіи. „Да здравствуетъ демократическая республика!"—кричатъ вслѣдъ за соціальдемократами

русскіе рабочіе, не подозрѣвая, что этотъ лозунгъ означаетъ не что иное, какъ: „да здравствуетъ орудіе буржуазнаго господства“, ибо государство въ демократической республикѣ есть, — говоря хотя бы даже словами Энгельса,—„лишь машина для угнетенія одного класса другимъ“. Равнымъ образомъ и другой лозунгъ нашихъ россійскихъ соціалистовъ: „Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!“, переведенный на языкъ реальной дѣйствительности, означаетъ опять-таки не что иное, какъ гимнъ въ честь буржуазно-капиталистической учредительной комиссіи, призванной „учредить“ *правовымъ* путемъ экономическое рабство рабочаго народа *). Точно также, воспѣвать на всѣ лады „всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право“, примѣняемое въ рамкахъ классового строя, значитъ не понимать всей внутренней фальши этого права на почвѣ такого строя. И тѣмъ не менѣе, почти всѣ усилія нашихъ соціалистическихъ партій направлены на то, чтобы опутать россійскій рабочій классъ густою сѣтью такого хитро сотканнаго обмана. Прочтите, напримѣръ, изданный газетой „Пролетарій“ листокъ: „*Три конституціи*“, весь состоящій изъ вопросовъ и отвѣтовъ относительно „трехъ порядковъ государственнаго устройства“. „Чего хотятъ полиція и чиновники?“ — спрашивается, напримѣръ, тамъ. Отвѣтъ: „Самодержав-

*) Отъ признанія этого не рѣшаются отказаться даже такіе рѣшительные адвокаты всеобщаго избирательнаго права, какъ г. Чернышевъ. „Вся практика избирательнаго права—говоритъ онъ—съ наглядностью доказываетъ, что современное представительное государство является организаціей, въ основѣ которой лежитъ угнетеніе и эксплуатація большинства населенія меньшинствомъ. Государственная власть и при парламентскомъ строѣ въ послѣднемъ счетѣ является средствомъ правового закрѣпленія фактическаго господства экономически сильныхъ классовъ надъ экономически слабыми...“ (См. „Всеобщее избират. право“. Изд. Лосицкаго, стр. 72).

ной монархіи". А „чего хотятъ сознательные рабочіе (соціальдемократы)?" Отвѣтъ: „демократической республики". Вопросъ: „какое значеніе имѣетъ этотъ послѣдній порядокъ государственнаго устройства?" Отвѣтъ: „1) Никакой самостоятельной власти ни полиціи, ни чиновникамъ; полное подчиненіе ихъ народу. 2) Никакихъ привилегій ни капиталистамъ ни помѣщикамъ. 3) Вся власть, единая полная и нераздѣльная власть принадлежитъ всему народу..." Послѣ всего вышесказаннаго, всякому должно быть очевидно, что въ этомъ послѣднемъ отвѣтѣ, что ни строка то ложь, что ни слово то самое грубое искаженіе дѣйствительности. Кто бывалъ во Франціи, въ Парижѣ, тотъ знаетъ, какъ тамъ полиція „вполнѣ" подчинена народу. О томъ, что въ современныхъ республикахъ капиталисты не пользуются никакими привилегіями, стыдно говорить даже ученикамъ Маркса. Третій пунктъ отвѣта находится въ коренномъ противорѣчіи съ утвержденіемъ Энгельса, что „демократическая республика есть лишь машина для угнетенія одного класса другимъ", т. е. большинства меньшинствомъ... „Для чего должны служить эти порядки государственнаго устройства?" — спрашиваетъ еще листокъ и отвѣчаетъ относительно республики: „Для того, чтобы свободный (!) просвѣщенный народъ научился вести всѣ свои дѣла, а главное для того, чтобы рабочій классъ могъ *свободно бороться за соціализмъ*..." (к. н.). Очевидно, авторы листка подъ „борьбой" за соціализмъ разумѣютъ *болтовню* о грядущемъ земномъ раѣ, которую демократическая республика разрѣшаетъ, конечно, съ большой охотой: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало. Но о свободной *борьбѣ* за ослабленіе и уничтоженіе рабочей неволи въ буржуазной республикѣ, не можетъ быть и рѣчи.

Все это, конечно, авторамъ листка хорошо извѣстно, но это не мѣшаетъ имъ печатно распространять завѣдомую ложь *).

Въ брошюрѣ Ф. Дана: *„Всенародное Учредительное Собраніе“*, вышедшей въ изданіи „Искры“, рабочіе предостерегаются отъ всевозможныхъ „подвоховъ“, которые могутъ быть совершены буржуазіей. Дѣло, конечно, хорошее, да, къ сожалѣнію, сама эта брошюра есть фактически не что иное, какъ одинъ колоссальный „подвохъ“, совершаемый однимъ изъ идейныхъ представителей борющагося за *свою* свободу господскаго класса—интеллигенціи. Ибо какъ, въ самомъ дѣлѣ, назвать тѣ наставленія рабочимъ по одному изъ основныхъ вопросовъ политики, которыя покоятся всѣ на слѣдующемъ, завѣдомо лживомъ положеніи (см. стр. 6): „Наша партія требуетъ, чтобы Учредительное Собраніе было Всенароднымъ, т. е. было выбрано на равныхъ правахъ всѣмъ народомъ... *Только въ этомъ случаѣ трудящійся народъ сможетъ оградить свои интересы въ полной мѣрѣ* (к. н.)“... Г-нъ Данъ знаетъ, что это ложь, что увлекать рабочихъ такой иллюзіей значитъ вводить ихъ въ очевидный обманъ, и все же онъ строитъ на этой лжи все свое „сочиненіе“. Впрочемъ, къ чему сводится вся дѣятельность россійскихъ соціалистовъ, какъ не къ систематическому сбиванію съ толку нашихъ ра-

*) Интересно, что одновременно съ Листкомъ „Пролетарій“ переиздалъ брошюру С. Дикштейна: „Кто чѣмъ живетъ“, гдѣ на стр. 9—10 можно прочесть, между прочимъ, слѣд. правдивыя строки: „человѣкъ, который продаетъ свой трудъ, не можетъ быть свободенъ: онъ долженъ имѣть своего господина и дѣйствительно имѣетъ его... Работникъ повинуется фабриканту, потому что не можетъ не повиноваться, потому что у фабриканта есть два сильныхъ помощника: во-первыхъ, правительство и войско, а во-вторыхъ голодъ, который угрожаетъ рабочему на случай безработицы“. Вотъ вамъ и „свободная“ борьба за „соціализмъ!..“

бочихъ и неимущихъ крестьянъ?! Стоитъ только пробѣжать тотъ безконечный рядъ соціалистическихъ брошюръ для народа на политическія темы, чтобы убѣдиться, какая масса завѣдомой лжи распространяется теперь въ рабочихъ массахъ, съ цѣлью вовлеченія ихъ въ борьбу за порядки, выгодные одному лишь господскому образованному обществу. Такъ называемая свобода печати дала, такимъ образомъ, лишь возможность новой лжи, болѣе тонкой, болѣе хитрой вытѣснить собою старую, грубую, истаскавшуюся ложь, обслуживавшую къ тому же черезчуръ ужъ узкую сферу привиллегированнаго и эксплуататарскаго міра. Тѣмъ не менѣе ложь и неправда остаются ложью и неправдой, и новые лозунги оказываются не чѣмъ инымъ, какъ лишь новымъ, болѣе ученымъ надувательствомъ.

Спрашивается: гдѣ же выходъ изъ рабскаго положенія пролетаріата во всемірной исторіи грабежа и насилія?

Въ освобожденіи пролетаріата отъ цѣлаго ряда дурачащихъ и эксплуатирующихъ его политикановъ, въ возвращеніи его къ своей собственной *искони начатой, самостоятельной классовой борьбѣ за улучшеніе своего экономическаго положенія. Не въ сотрудничествѣ въ парламентѣ (не посылая въ парламентъ „своихъ“ представителей), а въ предъявленіи ему, этой центральной власти господскаго общества, во время своихъ выступленій, — конкретныхъ, подлежащихъ немедленному осуществленію экономическихъ требованій.*

Только на такомъ пути рабочій классъ не будетъ служить игрушкой въ рукахъ всевозможныхъ образованныхъ краснобаевъ и не станетъ проливать свою кровь за безплодную перемѣну соціально-политическихъ декорацій, только идя

по такому пути онъ возьметъ свою судьбу въ свои собственныя руки, только такой путь приведетъ его къ уничтоженію всякаго неравенства, всякой эксплуатаціи, всякаго насилія.

III.

Что даютъ парламенты рабочему классу?

Трудно представить себѣ, какую массу времени, энергіи и... рабочихъ денежекъ истрачиваютъ соціалистическія партіи Запада во время выборовъ въ парламенты и послѣдующихъ затѣмъ перебаллотировокъ! Не счесть и тѣхъ часовъ, дней, годовъ, какіе тратятся соціалистическими депутатами на многолѣтнее сидѣніе и пространнѣйшія рѣчи въ парламентахъ, — и невольно закрадывается въ душу сомнѣніе: а результаты? практическіе осязательные результаты для голодныхъ рабочихъ массъ?

На этотъ вопросъ соціалисты отвѣчаютъ не всегда одинаково. Въ рѣдкія минуты откровенности, а то и простой запальчивости они сводятъ положительные результаты своей парламентской дѣятельности къ нулю или къ величинѣ безконечно малой, — что на одно выходитъ. Въ этомъ отношеніи интересенъ слѣдующій эпизодъ, имѣвшій мѣсто на послѣднемъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Амстердамѣ. Въ горячемъ поединкѣ между Бебелемъ и Жоресомъ послѣдній съ саркастической ироніей задалъ въ упоръ Бебелю вопросъ:

— „А что вы сдѣлали положительнаго съ вашими тремя милліонами голосовъ? Вѣдь, ничего, абсолютно ничего“. На что Бебель возразилъ: — „Но чего же вы хотите собственно, чтобы мы

сдѣлали? А вы сами-то, чего вы достигли своей тактикой?".

Оказывается, такимъ образомъ, что никто ничего не сдѣлалъ ни правые ни лѣвые, ни Бебели ни Жоресы, не смотря на все ихъ недюжинное краснорѣчіе.

А между тѣмъ, какой дурманъ былъ распространяемъ всѣми руководящими силами германской соціалдемократіи среди всѣхъ обойденныхъ и униженныхъ во время выборовъ 1903 года. Но еще больше — непосредственно послѣ нихъ. Читая с.-д. газеты того времени, недоумѣваешь: что тутъ происходитъ — припадокъ политическаго помѣшательства или... или... сознательный обманъ? — „Мы побѣдили, мы одержали величайшую побѣду!" — читаемъ мы тамъ: — „Теперь наступаетъ поворотный моментъ исторіи! Отнынѣ наша партія станетъ играть положительную роль въ законодательствѣ!.." Мнящая себя самой красной и ортодоксальной „Leipziger Volkszeitung" писала въ № отъ 17 Іюня (1903 г.): „Нѣмецкая соціалдемократія одержала политическую побѣду, безпримѣрную въ исторіи всѣхъ партій, даже нашей, ибо прежнія большія побѣды партіи были по преимуществу нравственные успѣхи, а политическое ихъ дѣйствіе было лишь посредственное. Уже одно это давленіе числа снабдитъ партію положительной политической силой, которая сдѣлаетъ ее изъ случайно рѣшающей фактически со-правительствующей (mitregierender) партіей, по скольку это въ парламентарныхъ условіяхъ, вообще, возможно". Берлинскій „Vorwärts" писалъ о „Veltwende", міровомъ поворотѣ, но лейпцигскій радикальный органъ его перещеголялъ, назвавъ въ № отъ 18 іюня результаты выборовъ „eine Sociale Revolution" — соціальной революціей!

За опьяненіемъ послѣдовало, однако, самое горькое отрезвленіе, — по крайней мѣрѣ, среди самихъ рабочихъ. Прошелъ годъ — другой, и никакой перемѣны не ощущалось, никакихъ улучшеній не оказывалось. На с.-д. конгрессѣ въ Іенѣ въ 1905 г. такія нотки разочарованія слышались почти во всѣхъ рѣчахъ депутатовъ рабочихъ, рядомъ съ указаніями на плодотворные результаты всеобщихъ экономическихъ стачекъ. Болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее участіе с.-д. депутатовъ въ парламентѣ,—говорилось тамъ,—не привело даже къ проведенію закона о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ, тогда какъ, напр., всеобщая стачка австрійскихъ рудокоповъ въ 1902 году вынудила правительство къ изданію для нихъ закона о девятичасовомъ рабочемъ днѣ. Въ длинной рѣчи Бебель привелъ цѣлый рядъ данныхъ о полномъ разочарованіи широкихъ рабочихъ круговъ въ парламентаризмѣ и политикѣ *). За нездоровыми иллюзіями послѣдовало, къ несчастью, и нездоровое разочарованіе: отъ политики одни рабочіе убѣгаютъ въ профессіональные союзы, другіе начинаютъ благосклонно прислушиваться къ рѣчамъ разныхъ анархо-соціалистовъ и другихъ почин-

*) Даже такіе ученые лидеры германской соціалдемократіи, какъ Каутскій и Мерингъ, должны были признать всю иллюзорность ихъ „побѣдъ“ съ точки зрѣнія пролетарскихъ интересовъ,— конечно, признать съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ за тѣмъ начать опять какъ ни въ чемъ не бывало, свою игру парламентарнаго одурманиванія „сознательнаго“ пролетаріата. „Растетъ число соціалистическихъ депутатовъ въ парламентахъ, но все болѣе падаетъ значеніе и дѣйствіе этихъ учрежденій, ибо одновременно большинство въ нихъ такъ же, какъ и правительство, попадаютъ во все большую зависимость отъ силъ высшаго финансоваго міра“... Такъ говоритъ Каутскій въ своей „Соц. Революціи“. А Мерингъ? Въ статьѣ его Parlamentarismus und Proletariat“ (см. Die Neue Zeit за 1905 г. № 36) мы читаемъ: „То, что происходитъ теперь съ нѣмецкимъ рейхстагомъ“ (теперь, т. е. два года спустя послѣ 3-хъ милліонной „побѣды“. Е. Л.) „есть какъ бы гніеніе заживо буржуазнаго парламентаризма. Его совѣщанія надоѣли до отвращенія даже буржуазному міру“, и т. д.

щиковъ соціализма, стремящихся спасти его престижъ.

Само собою разумѣется, что совсѣмъ таки ничего не дать народу никакая буржуазія, ни одинъ парламентъ не захотятъ, надо же отъ времени до времени давать усыпительныя капли всѣмъ голоднымъ и холоднымъ! Одной рукой даютъ, другой отымаютъ. Взять хотя бы всѣ эти пресловутыя государственныя страхованія рабочихъ отъ старости, инвалидности и т. д. Ужъ сколько гимновъ воспѣвалось этому страхованію, даже многими соціалистами, а въ дѣйствительности ничего, кромѣ грандіознаго обмана, эти страхованія не представляютъ. Нищенская подачка, сведенная къ нулю увеличеніемъ и повышеніемъ ввозныхъ пошлинъ и налоговъ. „Незначительные законы о страхованіи значительно переплачиваются пролетаріатомъ въ силу тяжестей новой покровительственной политики“,—пишетъ Гильфердингъ въ своей статьѣ о „Парламентаризмѣ и массовой стачкѣ“ (въ журналѣ Neue Zeit, 1905 № 51). Въ послѣднее время много говорили также о совершившемся во Франціи отдѣленіи церкви отъ государства. Этому акту придаютъ такое огромное значеніе, что даже имъ однимъ многіе готовы оправдать участіе соціалистовъ въ парламенской дѣятельности.— „Смертельный ударъ клерикализму!“ „Большой шагъ впередъ въ умственной эмансипаціи рабочихъ массъ!“ „Побѣда критической мысли!“.. Болѣе пяти лѣтъ парламентская жизнь Франціи концентрировалась вокругъ этого излюбленнаго лозунга свободомыслящей буржуазіи. Сколько рѣчей было произнесено, сколько бумаги исписано, сколько трескотни произведено! Наконецъ, со всяческими урѣзками и компромиссами законопроектъ прошелъ, и Франція стала наравнѣ съ Съ-

верной Америкой и Бельгіей, гдѣ отдѣленіе церкви отъ государства существуетъ уже сравнительно давно. Да, пять лѣтъ вниманіе пролетаріата отвлекается всею мощью буржуазной и соціалистической прессы отъ его насущнѣйшихъ интересовъ, и въ результатѣ всего этого одинъ чисто формальный шагъ впередъ, оставляющій въ дѣйствительности все по старому. Намъ тутъ припоминается рѣчь Гэда на Амстердамскомъ м. с. конгрессѣ, произнесенная имъ противъ Жореса:

— „Если бы вы даже спасли республику, — сказалъ Гэдъ,—то вы бы этимъ ничего не сдѣлали для пролетаріата. Если пролетаріатъ, чтобы ее спасать, когда она въ опасности, каждый разъ долженъ откладывать свои требованія, то республика—худшее изъ правительствъ... Взгляните-ка на реформы, которыми вы осчастливили пролетаріатъ. Вы кичитесь свѣтскостью школы и отдѣленіемъ церкви отъ государства! Предположимъ, что республиканская буржуазія все это провела бы, *но это не имѣло бы никакого значенія.* Посмотрите на Америку, гдѣ церковь отдѣлена отъ государства. Преподаваніе, не смотря на это, остается конфессіональнымъ, такъ какъ невозможно никакое духовное освобожденіе до полнаго переворота капиталистическаго общества“...

Гэдъ могъ бы съ столь же достаточнымъ основаніемъ указать на Бельгію, гдѣ тоже, не смотря на отдѣленіе церкви отъ государства, клерикализмъ имѣетъ еще громадное вліяніе на умы. Много говорятъ также о такъ наз. свѣтскомъ воспитаніи во французскихъ школахъ, гдѣ религія замѣнена преподаваніемъ морали. Реформа эта проведена была болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, въ теченіе которыхъ клерикализмъ праздновалъ свои самые блестящіе тріумфы. Да и развѣ быть

могло иначе! Изгнавъ преподаваніе религіи въ низшихъ и среднихъ школахъ, французская буржуазная республика сдѣлала каждый четвергъ свободнымъ отъ всякихъ школьныхъ занятій днемъ,—для чего? чтобы дать возможность родителямъ въ эти дни посылать своихъ дѣтей къ разнымъ абатамъ на уроки катехизиса. Что же касается преподаванія морали въ школахъ, то тутъ религія чернаго интернаціонала замѣнена лишь другой религіей, не менѣе худшей, а именно религіей — желтаго интернаціонала. Въ статьѣ д-ра Шейниса: „Какъ преподается мораль во Франціи“ (см. парижскій „La Revue“ отъ 1 октября 1902 г.) можно найти наилучшее тому подтвержденіе *).

— „Если вы будете хозяиномъ-предпринимателемъ“,—гласитъ напр. учебникъ морали Пьера Лалуа,—„вы всѣми силами будете стараться увеличивать вашъ доходъ, но вы не должны пытаться увеличивать его на счетъ публики, обманывая ее, такъ какъ долго ее нельзя обманывать“...

И такъ, „нравственность“ запрещаетъ французскому школьнику только прямой обманъ, и то лишь потому, что практикуемый „долго“, онъ не выгоденъ. Отсюда прямой логическій выводъ: *не долго*, въ особенно „счастливые“ моменты можно обмануть...

Далѣе.—„Любовь къ наживѣ не запрещается, если остается въ извѣстныхъ границахъ“, - гласитъ одна изъ максимъ школьнаго руководства, составленнаго женщиной-педагогомъ Журанвилль, вѣроятно для нравственнаго воспитанія будущихъ матерей.—„Книжка сберегательной кассы—говорится тамъ же—даетъ обезпеченіе въ настоящемъ и до-

*) См. передачу содержанія этой статьи въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ 1903 годъ, кн. 1-ая, стр. 56 и слѣд.

статокъ въ будущемъ, она внушаетъ намъ чувство самоуваженія"...

Еще одинъ примѣръ — поучительный діалогъ между мальчикомъ и наставникомъ: „На дняхъ вечеромъ папа былъ очень сердитъ",—разсказываетъ мальчикъ, — „потому что онъ вернулся съ собранія, на которомъ одинъ изъ ораторовъ говорилъ объ уничтоженіи арміи и сближеніи всѣхъ людей."—„Твой отецъ былъ правъ, мой другъ,"— отвѣчаетъ учитель...

И такъ, спрашивается: что выиграла французская народная школа отъ такой реформы? Да и прошла она въ парламентѣ еще въ то время, когда соціалистовъ тамъ не было.

Таковы блага, ниспосылаемыя народу съ высоты парламентовъ. О совершившемся теперь во Франціи отдѣленіи церкви отъ государства берлинская с.-д. газета „Vorwärts" (даже она!) писала въ передовой статьѣ слѣдующее:

„Непосредственной цѣлью и до извѣстной степени также результатомъ этихъ пятилѣтнихъ безпрерывныхъ парламентскихъ стычекъ между „республиканской" и „націоналистической" частью французской буржуазіи было *отвлеченіе рабочаго класса отъ его прямой классовой борьбы* (к. н). какъ противъ поповской, такъ и антипоповской реакціи, вовлеченіе массы пролетаріата въ буржуазныя межфракціонныя битвы во имя стараго боевого лозунга средней и мелкой буржуазіи: здѣсь республика—здѣсь монархизмъ!" Далѣе тотъ же „Vorwärts" (см. № 289 отъ 10 Дек. 1905 г.) называетъ такую политику со стороны антиклерикальной буржуазіи „хитрой" и констатируетъ съ своей стороны, что въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки, гдѣ сполна проведено начало отдѣленія церкви отъ государства, ханжество и сек-

танско-религіозный духъ процвѣтаютъ въ самой высокой степени.

И изъ-за достиженія такихъ двусмысленныхъ выгодъ, даруемыхъ изрѣдка народу буржуазными парламентами, соціалистическія партіи проводятъ годы, десятки лѣтъ въ борьбѣ за выборы возможно большаго числа своихъ депутатовъ въ эти «говорильни»! А въ это самое время рабочія массы доискиваются сами на свой страхъ и рискъ „иныхъ чистыхъ путей тернистыхъ,“ прибѣгаютъ къ всеобщимъ экономическимъ стачкамъ, приносящимъ имъ *дѣйствительныя* выгоды,—къ тѣмъ самымъ всеобщимъ стачкамъ, которыя с.-д. вожаки обзывали «всеобщей ерундой» и о которыхъ чуть ли не запрещалось даже говорить въ «приличномъ обществѣ» соціалдемократическихъ парламентеровъ!

Всѣмъ вышесказаннымъ мы не хотимъ, конечно, утверждать, что у парламентовъ никогда нельзя вырвать реформъ въ пользу рабочихъ классовъ. Нѣтъ, отчего же? бурное революціонное движеніе пролетаріата или массовая экономическая стачка могутъ вырвать у правящей буржуазіи ту или иную мѣру, полезную для рабочаго класса. Но то же самое можетъ быть добыто и у абсолютистскаго правительства, безъ всякихъ конституцій и парламентовъ. Изъ того обстоятельства, что рабочее движеніе въ Россіи въ 90-хъ годахъ побудило наше правительство сократить рабочій день до $11^1/_2$ часовъ, нельзя еще заключить о необходимости и полезности участія пролетарскихъ депутатовъ въ царскомъ правительствѣ. Въ дѣлѣ частичныхъ реформъ для пролетаріата абсолютизмъ или монархизмъ—если вѣрить такимъ авторитетамъ, какъ Каутскій, Бебель и друг.—имѣетъ даже нѣкоторыя преимущества предъ республиканскимъ парламентаризмомъ, ибо они «нисколько не заин-

тересованы въ томъ, чтобы допустить другой классъ къ его исключительному господству, а это при случаѣ можетъ побудить монархическое правительство взять пролетаріатъ подъ свою защиту отъ буржуазіи» (см. «Die Neue Zeit» 1904 г. № 48). И такъ, парламентаризмъ, какъ таковой, не имѣетъ никакихъ особыхъ преимуществъ предъ всякимъ другимъ правительствомъ во всемъ, что касается классовой пролетарской борьбы.

Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, не кто иной, какъ Каутскій, превосходно отмѣтилъ то важное обстоятельство, что дѣйствительно цѣнныя для рабочихъ массъ реформы были вырваны у парламентовъ не участіемъ въ нихъ соціалистическихъ депутатовъ, а непосредственной революціонной борьбой самихъ массъ—par l'action directe! Прочтите злую, но справедливую критику Каутскаго (въ его «Соціальной революціи», нѣм. изд., стр. 40—41) по адресу пресловутаго «рабочаго законодательства» европейскихъ парламентовъ, и вы убѣдитесь, что если есть что хоть сколько-нибудь цѣннаго въ этомъ законодательствѣ, то явилось оно результатомъ такой непосредственной борьбы и революціоннаго давленія самихъ рабочихъ массъ. Еще въ то время, когда соціалистическихъ депутатовъ вовсе не было въ парламентѣ, рабочее движеніе въ Англіи завоевало въ 1847 году десятичасовый рабочій день для женщинъ и юныхъ рабочихъ текстильной индустріи. А гдѣ мы до самаго сегодняшняго дня—спрашиваетъ Каутскій — достигли большаго?» Революціонное требованіе французскихъ рабочихъ въ 1848 г. принудило вторую республику сократить рабочій день въ Парижѣ до 10-ти, въ остальной Франціи до 11-ти часовъ. Съ того времени рабочее законодательство Франціи въ этомъ пунктѣ только ухудши-

лось, во всякомъ случаѣ—не подвинулось ни на шагъ впередъ. Съ своей стороны мы могли бы указать на Россію, гдѣ совсѣмъ еще юный пролетаріатъ своими дружными и упорными экономическими стачками завоевалъ уже себѣ во многихъ отрасляхъ промышленности 10-ти, 9-ти и даже 8-ми часовый рабочій день. И это безъ всякихъ парламентовъ, безъ всякихъ демократическихъ республикъ, даже безъ буржуазно-либеральныхъ «пяти свободъ»! *).

Въ своей книгѣ «*Будущее Соціализма*» Поль Луи справедливо указываетъ на парламентъ, какъ на факторъ тормозящій, а не ускоряющій, движеніе пролетаріата къ самоосвобожденію **). «Когда пробѣгаешь — говоритъ онъ — сложный рядъ текстовъ, регламентирующихъ повсюду продолжительность труда и гигіену, страховое дѣло, элементарныя права пролетаріата, то убѣждаешься, что они были исторгнуты непрестаннымъ напоромъ извнѣ. Рабочіе законы составлялись въ то время, какъ свирѣпствовала политическая реакція, когда свобода слова, печати или стачекъ подавлялась авторитетомъ юридическаго крючкотворства... Германскіе законы о страхованіи, выработанные желѣзнымъ канцлеромъ, прекрасно иллюстрируютъ это положеніе.» —

Даже сами соціалистическіе парламентеры—Дестрэ, Бебель и т. д. —должны признать «ужасающее безплодіе» парламентскихъ сессій! „Съ какой трудностью,—говоритъ Дестрэ,—эта машина приводится въ движеніе, но когда она, наконецъ, и задвигается, то зачастую приходится сожалѣть о томъ времени, когда она была неподвижна“.

---

*) См. объ этомъ статью Тотомьянца въ „Образованіи“ за 1905 г.
**) См. русс. пер., изд. Граната, стр. 88 и 91.

Еще въ самомъ началѣ политической дѣятельности германской соціалдемократіи въ парламентѣ, въ 1869 г., Либкнехтъ говорилъ (см. его брошюру: «Ueber die politische Stellung»):

«Наши рѣчи не могутъ имѣть никакого вліянія на законодательство. Нашими рѣчами въ парламентѣ мы отнюдь не сѣемъ въ массѣ истинъ, которыя нельзя было бы еще лучше разглашать другимъ способомъ. Какую же практическую пользу приносятъ тогда рѣчи въ парламентѣ?—Никакой. А говорить безъ цѣли есть занятіе глупцовъ»...

И такой приговоръ произнесенъ былъ Либкнехтомъ не только по адресу одного «бисмарковскаго парламента», т. е. рейхстага, но и надъ парламентаризмомъ вообще. «Во всѣхъ государствахъ—говоритъ Либкнехтъ въ предисловіи ко второму изданію своей брошюры—парламентаризмъ служитъ обману и порабощенію народа,—позолотой фразы, оклеенный театральный плащъ, за которымъ обсолютизмъ и классовое господство скрываютъ свои отвратительные члены и свои орудія убійства».

Не смотря на все это, германская соціалдемократія покатилась по наклонной плоскости парламентаризма и попала въ ту самую «смрадную трясину», которая «убиваетъ все здоровое»... Но тутъ мы разсматриваемъ уже не моральную сторону даннаго явленія, а ищемъ положительныхъ результатовъ отъ участія соціалистическихъ депутатовъ въ парламентахъ. Тридцать шесть лѣтъ тому назадъ Либкнехтъ уже a-priori, такъ сказать, сомнѣвался въ полезности такого участія. Въ послѣднее время такое же сомнѣніе не разъ вкрадывалось въ душу самого Бебеля, одного изъ старѣйшихъ парламентскихъ дѣятелей. Это ему принадлежитъ выраженіе. что „въ парламентахъ

накопляются цѣлыя горы печатной бумаги, порождающія ничтожнаго мышенка". На Дрезденскомъ партейтагѣ, въ одной изъ своихъ филиппикъ по адресу «революціонеровъ», Бебель высказался еще рѣшительнѣе: „Вся эта фабрикація законовъ такое жалкое занятіе, что каждый новый законъ тотчасъ же приходится пересматривать... Часто я спрашиваю себя: стоитъ ли все это парламентское толченіе воды въ ступѣ столькихъ жертвъ—времени и денегъ!"

Говорятъ, что рѣчи соціалистическихъ депутатовъ въ парламентахъ произносятся „въ окно", раздаваясь громкимъ эхо по всей странѣ: отсюда ихъ «огромное» агитаціонное значеніе... Въ дѣйствительности мы видимъ, какъ передача этихъ рѣчей въ отчетахъ частныхъ буржуазныхъ газетъ искажаетъ и тенденціозно сокращаетъ рѣчи депутатовъ-противниковъ. Такъ что „огромная трибуна" съуживается до круга одной лишь рабочей прессы, гдѣ и безъ того ежедневно совершается критика всѣхъ актовъ современныхъ капиталистическихъ правительствъ. О томъ же, чтобы „громовыя" рѣчи производили вліяніе на депутатовъ-представителей другихъ партій, и рѣчи быть не можетъ: „столь же практично было бы ораторствовать предъ морскими волнами",—говоря словами Либкнехта.

Рѣчь, прочитанная въ газетѣ, не способна произвесть того же впечатлѣнія, какъ рѣчь, прослушанная непосредственно въ народномъ собраніи. А потому, вмѣсто того, чтобы произносить свои лучшія рѣчи, метать бисеръ предъ кучкою представителей насилія и эксплуатаціи, не лучше ли было бы сказать ее предъ нѣсколькими тысячами рабочихъ? Если рѣчь была хороша, ее несомнѣнно перепечатаютъ всѣ рабочія газеты, и

въ результатѣ „трибуна“ окажется не менѣе, а болѣе широкой, не считая пользы отъ такого непосредственнаго взаимодѣйствія оратора и рабочей массы. Рѣчь выйдетъ даже болѣе сильной, такъ какъ не приходится бояться цензуры президента, строго запрещающаго всякія мѣткія, хлесткія, но „не парламентарныя“ выраженія.

Тутъ мы должны сказать нѣсколько словъ о пресловутомъ правѣ интерпелляціи. Праву депутатовъ интерпеллировать министровъ, т. е. требовать ихъ къ отвѣту по тому или иному поводу, приписываютъ большое общественное значеніе. „Обличенія правительства—говоритъ напр. В. А. Поссе—дѣйствуютъ гораздо сильнѣе, когда обличитель стоитъ лицомъ къ лицу съ обличаемымъ: прусскимъ министрамъ было бы, конечно, пріятнѣе читать обличенія хотя бы того же Бебеля у себя въ кабинетѣ, чѣмъ ежиться (?!) подъ ихъ ударами въ открытыхъ засѣданіяхъ рейхстага, но непріятность, получаемая министрами, обыкновенно очень полезна (?) народу. („Т. и Пр.“ стр. 661)... В. А. Поссе правъ въ одной только мелочи, а именно, что министрамъ было бы „пріятнѣе“ читать обличенія у себя въ кабинетахъ, чѣмъ ихъ выслушивать. Но отъ этого еще очень далеко до того вывода, который онъ дѣлаетъ отсюда. Министрамъ вовсе не за чѣмъ „ежиться“ подъ ударами обличеній, никогда не встрѣчающихъ поддержки со стороны огромнаго большинства парламента. Или, быть можетъ, г. Поссе предполагаетъ у нихъ тонкую моральную чувствительность? Отвѣты гг. министровъ на интерпелляціи соціалистическихъ депутатовъ отличаются или необыкновенной наглостью или пустымъ формальнымъ характеромъ, доказывающими какъ нельзя лучше, что имъ въ сущности „наплевать“ на краснорѣ-

чивыя іереміады Бебелей и Жоресовъ. И какъ это все можетъ быть „очень полезнымъ народу“, мы никакъ постигнуть не можемъ. На Іенскомъ партейтагѣ 1905 г. с.-д. Ледебуръ указывалъ на то, какое эфемерное значеніе имѣетъ въ германскомъ рейхстагѣ право интерпелляціи. Правительство, если ему неудобно или „непріятно“, можетъ и совсѣмъ не отвѣтить на интерпелляцію или же откладывать свой отвѣтъ до тѣхъ поръ, пока о ней забудутъ или пока она потеряетъ для каждаго всякій интересъ. И такъ не только въ германскомъ рейхстагѣ. Жюль Дестрэ относится къ этому праву тоже весьма скептически. „Ce droit est bien peu de chose“,—говоритъ онъ въ своей брошюрѣ.—„Въ Палатахъ, гдѣ партіи строго организованы, какъ въ Бельгіи, судьба всякой интерпелляціи извѣстна заранѣе; парламентскій результатъ ея почти всегда нулевой. Въ другихъ парламентахъ интерпелляціи являются средствомъ для всякихъ внезапныхъ нападеній и козней, комбинацій и соперничествъ“.

Таково въ дѣйствительности право интерпелляціи въ буржуазномъ парламентѣ *).

29 Октября 1901 г. въ Брюссельскомъ народномъ домѣ вождь италіанской соціалдемократіи, Энрико Ферри, произнесъ рѣчь въ защиту парламентаризма. „La force du Parlementarisme“, сила парламентаризма—такъ озаглавилъ онъ свой рефератъ, въ которомъ онъ пытался доказать, между прочимъ, что у парламентскаго меньшинства есть тоже сила и возможность защищать свободу и

*) На конгрессѣ швейцарскихъ соціалдемократовъ въ 1902 году, когда разговоръ зашелъ о рабочей манифестаціи протеста въ Бернѣ, Вюльшлегеръ заявилъ: „Рабочіе имѣютъ своихъ представителей въ парламентѣ, на которыхъ и лежитъ обязанность протестовать; устройство манифестацій не имѣетъ поэтому никакого смысла“...

справедливость. Средствомъ для этого служитъ *обструкція*. Такъ же, какъ Ферри, думаютъ многіе соціалисты, и потому намъ приходится остановиться и на этомъ вопросѣ, чтобы разоблачить всю иллюзорность этого средства борьбы, примѣняемаго группами меньшинства. Сознанію такой иллюзорности не совсѣмъ чужды и сторонники парламентаризма, къ свидѣтельству которыхъ мы тутъ и прибѣгнемъ.

„Уставы большинства современныхъ парламентовъ—говоритъ напр. В. А. Поссе—даютъ возможность болѣе или менѣе значительному меньшинству бороться съ большинствомъ, задерживая принятіе того или другого законопроекта; они требуютъ, чтобы законопроекты проходили „три чтенія“, т. е. три раза обсуждались и три раза голосовались, они даютъ право извѣстному числу депутатовъ требовать поименнаго голосованія каждой статьи и т. д. Пользованіе этими правилами для затягиванія преній и голосованій получило названіе *обструкціи*“. (См. „Т. и Пр.“183). Давъ свое опредѣленіе обструкіи, В. А. Поссе тутъ же спѣшитъ увѣрить своего читателя, что обструкція „играла большую роль въ парламентахъ англійскомъ, австрійскомъ, италіанскомъ, германскомъ“... Но нѣсколько строкъ ниже онъ пишетъ: „Въ серьезныхъ случаяхъ большинство обыкновенно рѣшается измѣнить парламентскій уставъ, выкинуть изъ него формальности, которыми пользуются обструкціонисты, и тѣмъ приходится или подчиниться, какъ это дѣлаютъ законники нѣмцы, или прибѣгать къ обструкціи насильственной, т. е. производить въ залѣ засѣданія безпорядокъ, шумѣть, пѣть, свистать, бить стекла и пр., какъ это дѣлаютъ италіанцы, австрійцы и венгерцы“.

И такъ, къ чему сводится право обструкціи?

Къ тому, что въ не-серьезныхъ случаяхъ большинство разрѣшаетъ меньшинству побаловаться обструкціей, а въ „серьезныхъ“ лишаетъ его этого права. Въ чемъ же г. Поссе усматриваетъ тогда „большую роль“ обструкціи? Или, быть можетъ, онъ такую роль приписываетъ такъ наз. насильственной обструкціи? Но не очевидно ли, что такая обструкція подрубаетъ ту самую вѣтвь, на которой покоится все принципіальное зданіе „всенароднаго представительства“, нарушаетъ демократическій принципъ большинства, подрываетъ коренныя основы парламентаризма. Одно изъ двухъ: или не идти вовсе въ парламентъ, или ставши его членомъ, признавать волю большинства его для себя закономъ. Средины тутъ быть не можетъ. Да и что можетъ дать насильственная обструкція? Мы помнимъ одну такую обструкцію въ срединѣ 90-хъ годовъ, въ австрійскомъ рейхстагѣ; конецъ ея былъ крайне печальный—обструкціонисты были тоже „насильственно“ вышвырнуты за двери... Что же касается обструкцій мирнаго или законнаго характера, то наиболѣе извѣстныя изъ нихъ были быстро подавляемы „парламентской гилльотиной“, т. е. измѣненіемъ ли устава дѣлопроизводства или же простымъ вмѣшательствомъ президента. Вспомнимъ печальную судьбу обструкціи германской соціалдемократической фракціи непосредственно предъ принятіемъ „ростовщическаго тарифа“ на хлѣбъ въ ночь съ 13 на 14 декабря 1902 г.: ей положилъ конецъ самъ президентъ рейхстага, графъ Баллестремъ, и Бебелямъ, Зингерамъ и т. д. пришлось сложить оружіе... Наиболѣе знаменитой въ парламентарной исторіи 19 вѣка принято считать обструкцію Парнеля, въ началѣ 1881 года. Вотъ что говоритъ о ней проф. Е. Тарле въ своей исторіи аграрнаго

движенія въ Ирландіи („Міръ Божій“, 1905 г. августъ):

„Участились аграрныя преступленія. За осень и зиму 1880 года ихъ было совершено 1700. Въ началѣ 1881 года либеральный кабинетъ внесъ билль, имѣвшій цѣлью предоставить вице-королю обширнѣйшія репрессивныя полномочія въ виду угрожающаго положенія дѣлъ. Послѣ обширнѣйшей обструкціи Парнеля и его товарищей, послѣ засѣданія, протянувшагося сорокъ одинъ часъ безъ перерыва, — *спикеръ беззаконно прервалъ дебаты* и поставилъ вопросъ на баллотировку. Вопросъ прошелъ, послѣ чего были повторены попытки обструкціи со стороны ирландцевъ, но и онѣ не могли разсчитывать на конечную побѣду: *были вотированы новыя правила парламентской процедуры*, усиливавшія дискреціонную власть спикера, послѣ чего обструкція въ палатѣ общинъ сдѣлалась (въ былыхъ размѣрахъ) *совершенно невозможной*. Что же касается до репрессивнаго билля, направленнаго противъ Ирландіи, то онъ прошелъ во всѣхъ чтеніяхъ въ обѣихъ палатахъ и 2-го марта 1881 г. вошелъ въ законную силу...“

Такова въ дѣйствительности, а не въ фантазіи, „большая“ роль обструкціи въ парламентаризмѣ. И тутъ мы видимъ одинъ лишь самообманъ соціалистическихъ парламентеровъ, одно лишь „насильственное“ одурманиваніе революціонной совѣсти. Самообманъ — еще въ лучшемъ случаѣ...

У Левердэ, въ его сочиненіи „Les assemblées parlantes“, находимъ нѣсколько превосходныхъ страницъ (93—97), способныхъ служить резюмэ сказанному выше о „пользѣ“ парламентаризма для народа. Левердэ исходитъ изъ слѣдующаго положенія Риттингаузена:

«Парламентаризмъ можетъ быть лишь буржу-

азнымъ эскамотированіемъ (обманной узурпаціей) народныхъ правъ. Всеобщее избирательное право безсильно противъ такого результата. Напрасно пролетаріатъ будетъ пытаться подобрать себѣ депутатовъ, взятыхъ изъ его рядовъ. Это средство совершенно иллюзорно, такъ какъ эти пролетаріи, едва войдя въ парламентъ, перестанутъ быть пролетаріями.»

Это положеніе Левердэ развиваетъ слѣдующимъ образомъ:

«До тѣхъ поръ, пока общество остается буржуазнымъ, представительство его, называемое національнымъ, необходимо будетъ такимъ же, т. е. буржуазнымъ. Если же представительство имѣетъ буржуазную сущность, то оно будетъ поддерживать, вопреки всему, притязанія имущихъ классовъ противъ домогательствъ труда; послѣднему нечего ожидать отъ него. Это столь же фатально, какъ паденіе камня. Какова можетъ быть роль этихъ адвокатовъ пролетаріата предъ лицемъ камеръ, гдѣ господствуетъ буржуазный элементъ? Они будутъ овцами, ходатайствующими за другихъ овецъ предъ волками. И на что жалуются овцы?—Съ нихъ сдираютъ шерсть..., ихъ пожираютъ...— Чортъ возьми! овцы вы или нѣтъ?... Если вы вздумали блеять, то надъ вами же еще посмѣются. Жалобы эксплуатируемыхъ даютъ поводъ предполагать у нихъ вѣру въ наличность у эксплуатирующихъ нѣкотораго чувства справедливости. Но это, разумѣется, смѣшно: не въ такой ужъ степени они—овцы!... Рабочіе думаютъ, что они совершаютъ протестъ, посылая кого-нибудь изъ своихъ занять мѣсто, засѣдать отъ ихъ имени въ парламентѣ буржуазіи. Въ дѣйствительности же этой плохой разсчетъ; даже болѣе—принципіальная ошибка. Единственное, что въ конечномъ

счетѣ могутъ сдѣлать эти довѣренные народа, это санкціонировать своимъ присутствіемъ дѣйствія, фатально направленыя противъ него силой вещей. Когда то римскій народъ имѣлъ своихъ трибуновъ. Они тоже являлись предъ лицо сената, но они не засѣдали въ немъ, они не принимали участія въ совѣщаніяхъ тѣхъ патриціевъ, которые самимъ своимъ положеніемъ были прирожденными эксплуататорами труда. Они считались съ ними лишь по стольку, по скольку надо было произнесть свое veto. Ихъ положеніе было искреннее, чуждое всякой двусмысленности; оно было достойно Народа и ихъ самихъ, бывшихъ его представителями. Иное дѣло представители нашего плебса. Они являются составною частью законодательнаго собранія, — коварное поглощеніе! — они заранѣе уже, вошедши туда, однимъ этимъ фактомъ подчиняются всѣмъ рѣшеніямъ его большинства, даже идущимъ въ прямой разрѣзъ съ интересами ихъ довѣрителей. Они санкціонируютъ эти рѣшенія именемъ Народа, лойяльно подчиняясь ихъ законной силѣ. Это ужъ послѣднее слово эскамотажа, одураченной жертвой котораго является пролетаріатъ»...

Мы не скупились здѣсь на цитаты изъ сочиненій и рѣчей извѣстнѣйшихъ, большею частью — соціалистическихъ, писателей, и дѣлали это не только потому, что эти цитаты раскрываютъ, вопреки волѣ ихъ же авторовъ, всю истинную природу парламентаризма, его великую роль въ дѣлѣ интеллигентскаго одурачиванія народа. Но значеніе приведенныхъ цитатъ еще въ томъ отношеніи велико, что если ужъ сами соціалисты-парламентеры, Либкнехтъ, Дестрэ, Бебель, пишутъ и дѣлаютъ такія „невольныя признанія“ по адресу парламентаризма, то дѣло его нравственно про-

играно. Но что значитъ *нравственное* банкротство въ мірѣ, покоющемся на лжи, насиліи и лицемѣріи? Такое банкротство не есть ли вѣрный залогъ его силы и процвѣтанія? *)

---

*) Много справедливаго о парламентаризмѣ можно найти въ брошурѣ Л. Н. Толстого „*О значеніи русской революціи*“. Это мы можемъ и должны признать, не смотря на всю нашу непримиримую враждебность ко всѣмъ основамъ его міросозерцанія. Но, замѣчательно, даже онъ готовъ признать, что „представительныя правительства Зап. Европы и Америки уничтожили нѣкоторыя внѣшнія злоупотребленія представителей власти, сдѣлали невозможнымъ, какъ это было при наслѣдственномъ монархическомъ правленіи, чтобы обладатели власти были такіе изверги, каковы были разные Людовики, Карлы, Генрихи, Іоанны“... Изумительное незнакомство съ самой новѣйшей исторіей конституціонныхъ и республиканскихъ государствъ! А кто совершалъ кровавыя іюньскія побоища 48-го года? самодержавное или республиканское правительство? А слыхалъ ли что-нибудь Л. Н. Толстой о неслыханномъ по своему звѣрству подавленіи Коммуны республиканскими войсками? А массовые разстрѣлы стачечниковъ въ Америкѣ (Колорадо и т. д.)?.. Далѣе Л. Н. Толстой пишетъ, что „представительство уничтожило стѣсненія печати.“ Опять-таки странное незнакомство съ порядками западныхъ странъ: печать въ нихъ свободна лишь постольку, поскольку она не нападаетъ на основы классового капиталистическаго строя. Еще далѣе Толстой ставитъ въ плюсъ парламентаризму обсужденіе народными представителями „обложеніе народа податями“, Какъ будто податная тягость, лежащая на рабочихъ массахъ отъ этого уменьшилась! какъ будто сами-то эти „представители“ не оказываются всегда солидарными съ правительствомъ, за исключеніемъ чисто мелочныхъ конфликтовъ?.. Говоритъ же Толстой съ полною справедливостью, что „выяснилось вполнѣ, что мнимое ограниченіе власти есть *только* перемѣна властителей и увеличеніе ихъ числа“... Именно, *только*! . Пишетъ же онъ самъ, только одной страницей раньше, что во всѣхъ народахъ, какъ бы они ни управлялись самыми деспотическими или самыми демократическими правительствами, одинаково остаются всѣ главныя и основныя бѣдствія народовъ: тѣ же все возрастающіе огромные бюджеты, тѣ же враждебныя отношенія съ сосѣдями, требующія военныхъ приготовленій и войскъ, тѣ же подати, тѣ же монополіи, правительственныя и частныя, тѣ же порабощенныя народности, та же постоянная угроза войнъ и тѣ же войны, истребляющія жизни людей“...

IV.

Парламентаризмъ, какъ факторъ деморализаціи рабочаго класса.

Говорятъ, что парламентаризмъ, представительная система, всеобщее избирательное право играютъ огромную воспитательную роль въ жизни современныхъ государствъ, образуя великую нравственную и политическую школу народнаго самоуправленія. Безъ этой школы — говоритъ напр. Каутскій—пролетаріатъ не можетъ развернуть всѣ свои силы, не въ состояніи «созрѣть» для «соціальной революціи».

Посмотримъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ.

Еще въ началѣ 80-хъ годовъ П. Л. Лавровъ писалъ о существованіи «многочисленнаго опыта», доказавшаго, что «даже лучшіе изъ представителей соціализма, войдя въ рутину политической борьбы въ парламентахъ, въ государственной или

коммунальной администраціи, способны до того быть засосаны этою рутиною, имѣющею свои весьма могучія традиціи, что скоро дѣлаются не только безполезными, но и вредными для дѣла соціализма (В. Н. Воли № 4). Самъ убѣжденный соціалистъ, учитель цѣлыхъ соціалистическихъ поколѣній, Лавровъ хорошо, конечно, зналъ свою братію, и не сталъ бы говорить про нее худыя вещи, если бы не былъ вынужденъ къ тому безпощадной дѣйствительностью.

Лицемѣріе, неискренность, разнузданное взаимное соперничество, низменныя интриги, мелочная борьба въ угоду честолюбію, холодная и строго-разсчитанная клевета, изъ которой по поговоркѣ, «остается всегда что-нибудь», подкупъ депутатовъ деньгами или обѣщаніями теплыхъ мѣстъ и отличій, систематическіе и позорные компромиссы и соглашенія — такова атмосфера парламентарной жизни, въ которой нельзя днями и годами дышать безнаказанно. «Парламентаризмъ это асфиксія»,— говоритъ Левердэ,—и тутъ нѣтъ и тѣни преувеличенія. Благодаря этой асфиксіи честные люди становятся сомнительными, слабыя натуры негодяями, революціонеры — оппортунистами, соціалисты....—министрами. «Есть искушенія,—говоритъ по тому же поводу Ритинггаузенъ, — которымъ нельзя подвергать людей, если не хотятъ видѣть ихъ павшими. О, наивность! Надѣляютъ человѣка величайшей изъ привилегій, а именно правомъ произвольно и безотвѣтственно распоряжаться въ роли законодателя жизнью, честью и имуществомъ гражданъ, и требуютъ затѣмъ отъ этого полубога дать ганнибалову клятву противъ всякой привилегіи!»...

Бываетъ почва, на которой не можетъ произрастать никакой живой и благоухающій цвѣтокъ. Такъ и парламентаризмъ, этотъ новомодный цен-

тральный комитетъ всѣхъ книжниковъ и фарисеевъ. Парламентаризмъ есть орудіе господства всего имущаго и образованнаго господскаго общества, и эта могущественная мельница сотретъ своими вальцами всякаго праведника, по недоразумѣнію очутившагося въ ея близости.

Но не слѣдуетъ именно забывать, что праведники, истинно правдивые и честные люди попадаютъ въ такія двусмысленныя и непотребныя мѣста крайне-крайне рѣдко. И Лавровъ и Леверда и Риттингаузенъ изображаютъ дѣло такъ, какъ будто соціалисты-депутаты, попадающіе въ парламенты, оказываются жертвами тлетворной обстановки, измѣняющими рабочему дѣлу подъ давленіемъ обстоятельствъ. Бѣдные, бѣдные праведники,—совсѣмъ ужъ было готовились въ рай, да парламентская говорильня на несчастіе ихъ совратила! Если они измѣнили пролетаріату, то виноватъ-де въ этомъ парламентъ, а не ихъ собственная господская, благородная кровь, поджидавшая лишь удобнаго момента, чтобы проявить всѣ свои наслѣдственно-исконныя достоинства.

Нѣтъ, господа, все это уже старыя, изолгавшіяся пѣсни. Соціалистическіе депутаты не стали бы принимать участіе въ парламентахъ, если бы они сами по себѣ уже не были представителями новаго подымающагося господскаго и эксплуататорскаго класса, кровью отъ крови и плотью отъ плоти тѣхъ самыхъ болѣе удобно разсѣвшихся господъ, которые одни якобы виноваты въ деморализаціи бѣдныхъ праведниковъ. Но это мы доказали уже въ своей книгѣ «Что же такое, наконецъ, интеллигенція?» и останавливаться здѣсь подробно на данномъ вопросѣ мы не можемъ.

Намъ любятъ указывать на С.-А. Соединенные Штаты, какъ на страну уже «истинной» свободы.

Но и это уже «стара штука», которой вѣрятъ лишь крайне наивные люди. Уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ Фр. Энгельсъ писалъ, что въ Сѣверной Америкѣ «каждая изъ двухъ большихъ партій, постепенно достигающихъ господства, въ свою очередь управляется людьми, которые сдѣлали себѣ изъ политики особый гешефтъ и спекулируютъ на мѣста въ законодательныхъ собраніяхъ союза или отдѣльныхъ штатовъ, или находятъ заработокъ въ агитаціи въ пользу своей партіи и вознаграждаются тѣми или другими должностями послѣ ея побѣды. Извѣстно, какъ усиленно старались американцы, въ теченіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ, свергнуть это невыносимое иго и какъ, не смотря на это, все болѣе и болѣе погружались въ болото подкупности... Въ Америкѣ нѣтъ династій, нѣтъ дворянства, нѣтъ постояннаго войска, нѣтъ бюрократіи съ прочными мѣстами и пенсіями. И однако мы видимъ тамъ двѣ большихъ шайки политическихъ спекулянтовъ, которыя поперемѣнно овладѣваютъ властью и эксплуатируютъ ее самыми грязными средствами для самыхъ грязныхъ цѣлей» *).

Вотъ вамъ живая и правдивая картина „свободной“ „демократической“ республики, вотъ вамъ результаты „всенароднаго представительства“ на основѣ всеобщаго, равнаго и т. д. избирательнаго права! Тринадцать лѣтъ спустя Каутскій писалъ (см. №. 1904, № 9) о той же республикѣ, какъ въ ней буржуазія „систематически развращаетъ массы посредствомъ затопленія всей страны продажной прессой, путемъ подкупа голосовъ при выборахъ и склоненія на свою сторону вліятельныхъ вождей рабочихъ“. Въ каждой странѣ—го-

*) См. его предисловіе къ „Гражд. войнѣ“ К. Маркса.

воритъ онъ далѣе—примѣняется сегодня этотъ методъ сбиванія съ толку и развращенія рабочихъ. „Но нигдѣ такія попытки не совершаются въ такомъ объемѣ и съ такимъ упорствомъ, какъ въ республикѣ, именно вслѣдствіе республиканской свободы, вслѣдствіе могущества, присущаго избирательному бюллетеню, прессѣ, рабочимъ союзамъ. *Но и нигдѣ эти попытки не имѣютъ большаго успѣха, какъ именно въ республикѣ*“ *).

И такъ, даже такой приверженецъ парламентарной дѣятельности, какъ Каутскій, долженъ признать, что чѣмъ значительнѣе роль избирательнаго права въ какой либо странѣ, тѣмъ въ большемъ объемѣ и тѣмъ съ наибольшимъ успѣхомъ проводится въ жизнь хитроумная система одурачиванія и развращенія рабочихъ. Какъ же мы можемъ говорить послѣ этого еще о воспитательной роли парламентаризма? Неужели „сбиваніе съ толку рабочихъ“ есть школа для ихъ „воспитанія“? И если нѣтъ, то спрашивается: какимъ образомъ международная соціалдемократія могла въ теченіе долгихъ десятковъ лѣтъ направлять волю и энергію рабочихъ массъ почти исключительно въ одну лишь эту сторону, т. е. въ сторону добыванія, защиты и расширенія того, что не только вовсе имъ не нужно, но и что могло принести имъ (и принесло!) неизгладимый вредъ? Какимъ образомъ великій горькій опытъ всей западной Европы и Америки не вразумилъ и наши соціалистическія партіи, идущія по той же проторенной дорожкѣ парламентаризма?

О, нѣтъ, читатель, вразумилъ, очень даже вразумилъ, и *потому именно* идутъ онѣ по испытанной дорожкѣ парламентаризма.

*) См. объ этомъ также у Зомбарта: „Warum giebt es in den Verein. Staaten keinen Sozialismus“, (стр. 48—53).

Но мы еще не исчерпали всей той массы нравственнаго зла, какая внѣдряется въ жизнь народа всей системой парламентарнаго представительства. Въ извѣстной, крайне непослѣдовательной, брошюрѣ Либкнехта о парламентаризмѣ („Ueber die polit. Stellung der Socialdem.) мы находимъ нѣсколько справедливыхъ словъ о вліяніи парламентской говорильни на ораторовъ депутатовъ: „Ораторы по общему правилу плохіе политики,—ораторъ опъяняется самъ и опъяняетъ своихъ слушателей. Ораторскіе успѣхи имѣютъ то общее съ актерскими, что они пробуждаютъ тщеславіе и порождаютъ —большею частью одну лишь смѣшную, но нерѣдко также опасную манію величія“ *). Каждый свѣдущій знаетъ,—говоритъ далѣе Либкнехтъ,—что парламентскіе дебаты представляютъ собою болѣе театральныя представленія, чѣмъ серьезныя обсужденія... Много—и красноглаголаніе есть смерть дѣйственной силы, могила партій“.

Въ дѣйствительности, „смертью дѣйственной силы“ оказывается парламентаризмъ не столько по отношенію къ существующимъ партіямъ, сколько по отношенію къ самимъ рабочимъ массамъ: онѣ привыкаютъ возлагать всѣ свои надежды на своихъ выборныхъ, отвыкаютъ отъ самостоятельной и непосредственной экономической борьбы съ господскими классами, проникаются большимъ ре-

*) Даже такія натуры, какъ Бебель, оказываются не чуждыми такой маніи: „Я спрашиваю васъ,—сказалъ на Дрезденскомъ партейтагѣ Фольмаръ, обращаясь ко всѣмъ делегатамъ,—я спрашиваю васъ, въ какомъ тонѣ говорилъ Бебель ко всей партіи? „Я не потерплю“, „я намылю голову“, „я имѣю за собою массы“, „я еще сведу съ вами счеты“. Я, я, я—развѣ это языкъ равнаго къ равнымъ, не скорѣе ли это языкъ диктатора? (Сильный шумъ, оживленное одобреніе, бурные протесты и шиканье). Такъ лордъ—протекторъ Кромвель говорилъ долгому парламенту. (Сильный шумъ). Это слѣдовало, наконецъ, сказать. (Возгласъ: Давно пора!)“. (Цитир. изъ Поссе: „Теорія и Практ.“ стт. 655).

спектомъ къ „законности“ и мирнымъ средствамъ и погрязаютъ въ засасывающее болото профессіонально-синдикальнаго кретинизма и нравственнаго мѣщанства. Рабочее движеніе Англіи и Сѣв. Америки служитъ наилучшимъ тому подтвержденіемъ.

Въ то время, какъ всякая непосредственная массовая экономическая борьба предъявляетъ къ личности требованіе извѣстнаго нравственнаго усилія, внѣдряетъ въ него чувство индивидуальной отвѣтственности и собственнаго достоинства, парламентаризмъ—наоборотъ—всю борьбу массы склоненъ сводить къ простой, да еще „тайной“, подачѣ избирательнаго голоса за того или иного депутата, на котораго затѣмъ и возлагаются всѣ надежды. Это развиваетъ въ личности избирателя пассивность, трусость, неспособность къ собственной иниціативѣ, отучаетъ отъ самостоятельности, отъ рѣшимости постоять за себя, хотя бы и пришлось за это поплатиться.

Ну, а пресловутая „выборная агитація“? Не служитъ ли она богатымъ источникомъ политическаго воспитанія народа, внѣдренія въ него здравыхъ общественныхъ идей? не лучшая ли это школа соціально-революціоннаго просвѣщенія рабочихъ массъ?

Ни въ коемъ случаѣ. Мы думаемъ даже, что періодъ такъ наз. избирательной „лихорадки“ есть по-истинѣ самый нездоровый моментъ политической жизни современныхъ обществъ, когда всѣ худшіе инстинкты современной коллективной индивидуальной психологіи выплываютъ наружу, заражая общественную атмосферу ядовитыми міазмами; мы утверждаемъ, что дни выборной агитаціи это дни самаго разнузданнаго обмана и одураченія рабочихъ массъ въ интересахъ все-

возможныхъ политическихъ партій. Неискренность и прямая ложь, клевета, взаимное обливаніе грязью, чрезмѣрныя обѣщанія, закулисныя интриги — таковъ тотъ грязный и мутный потокъ, который заливаетъ собою всю страну вплоть до самыхъ отдаленныхъ ея городковъ и деревень, растлѣвая однихъ, сбивая съ толку другихъ. Тоже своего рода асфиксія.

Жюль Дестрэ, бельгійскій соціалдемократъ и членъ парламента, въ своей брошюрѣ „Конецъ парламентаризма“ слѣдующимъ образомъ отзывается о нравственной атмосферѣ парламентскихъ выборовъ:

„Всѣ современные парламенты рождаются въ тинѣ личныхъ перебранокъ и избирательной коррупціи; всѣ живутъ въ унизительной атмосферѣ, отъ вліянія которой трудно увильнуть. Постоянная ложь, лютое соперничество, плачевная продажность, отъ времени до времени какой-либо громкій скандалъ, освѣщающій вдругъ омутъ, и тогда крикъ, негодованіе, обвиненія противъ личностей, при полномъ непониманіи того, что онѣ являются лишь фатальнымъ продуктомъ самой среды. Ихъ замѣщаютъ другими, которыя... сызнова начинаютъ то же самое“... И далѣе: „Большинство избранныхъ депутатовъ въ Европѣ выбраны послѣ заявленій туманныхъ и сомнительной искренности, съ программами расплывчатыми, соединяющими воедино противоположные интересы, иногда даже и безъ всякихъ программъ. Разъ избранные, они дѣлаютъ то, что хотятъ, то что имъ повелѣваетъ ихъ эгоизмъ или забота о переизбраніи. Что же касается избирателей, то въ общемъ они представлены крайне мало“.

Всѣ приверженцы парламентской тактики, принадлежащіе къ соціалистическому лагерю, могутъ

намъ возразить, что съ „рабочими депутатами“ ничего подобнаго случиться не можетъ, что избирательная деморализація не способна захватить „здоровую среду с.-д. партіи“. Факты, длинный рядъ фактовъ, многочисленные и все новые факты свидѣтельствуютъ прямо противоположное.

Еще въ 70-хъ годахъ *П. Аксельродъ*, одинъ изъ современныхъ лидеровъ нашей с.-д. партіи, помѣстилъ въ журналѣ „*Община*“ (№ 6—7, 1878 г.) нѣсколько статей о германской с.-демократіи, изъ которыхъ мы извлекаемъ здѣсь слѣдующія относящіяся къ нашей темѣ строки:

„Вмѣстѣ съ возростаніемъ массы соціалистическихъ избирателей, въ агитаторахъ партіи усиливается жажда къ новымъ избирательнымъ побѣдамъ. Подъ вліяніемъ этой жажды, еще болѣе возбуждаемой пыломъ борьбы съ кандидатомъ изъ противнаго лагеря, соціалистическій агитаторъ начинаетъ сулить, въ видѣ неопредѣленныхъ обѣщаній, всевозможныя блага, если кандидатъ его партіи одержитъ побѣду. Подобный маневръ со стороны того или другого изъ агитаторовъ дѣйствительно увеличиваетъ контингентъ соціалистическихъ избирателей. Возрастающій успѣхъ приводитъ многихъ изъ вожаковъ партіи въ опьянѣніе, и сначала у нѣкоторыхъ вкрадывается въ голову мысль о возможности постепенно, особенно путемъ смягченія рѣзкости нѣкоторыхъ пунктовъ программы, довести численность соціалистическихъ депутатовъ до цифры, достаточной для пріобрѣтенія вліянія на ходъ законодательства. Подобныя соображенія еще болѣе усиливаютъ податливость нѣкоторыхъ агитаторовъ на обѣщанія во время выборовъ... Наканунѣ выборовъ тенденція къ смягченію характера требованій партій, чтобы привлечь на свою сторону и мелкую буржуазію, дошла до

того, что нѣкоторые агитаторы умалчивали о принципіальныхъ пунктахъ программы. По словамъ Бебеля и Моста на конгрессѣ 1877 г. въ летучихъ избирательныхъ листкахъ появлялись прокламаціи, содержавшія въ себѣ „вопіющія противорѣчія“ принципамъ партіи. Гартлеанъ и Газенклеверъ доказывали, что при выборахъ нужно быть „практичными“. Даже „Берлинская свободная пресса“ писала наканунѣ вторичныхъ выборовъ Газенклевера слѣдующія строки: „Когда порабощенные и угнетенные единодушно подадутъ свои голоса за Газенклевера, то могущество капитала и реакціи найдетъ себѣ непреодолимое противодѣйствіе въ любви народа къ свободѣ... Люди труда и мысли! На вашей сторонѣ справедливость, и если вы единодушно выберете Газенклевера, то на вашей сторонѣ будетъ и власть, столь необходимая для освобожденія всѣхъ эксплуатируемыхъ“. Подобныя фразы еще задолго до выборовъ раздавались во всѣхъ углахъ Германіи... Если таковы факты, представляемые оффиціальными документами партіи, то можно себѣ представить, какова была въ дѣйствительности тактика агитаторовъ во время послѣдней избирательной агитаціи“..

Позднѣйшая эволюція, продѣланная германской соціалдемократіей, только усилила подобныя тенденціи и умножила до безконечности подобные факты. Отодвигая до второго пришествія наступленіе соціалистическаго рая, выдвигая на первый планъ мелкія реформы, сѣя повсюду лживыя обѣщанія, вступая въ постоянныя соглашенія съ буржуазными партіями, германская с.-д. партія собрала вокругъ себя, послѣ 35-лѣтней парламентской дѣятельности, три милліона голосовъ, которыми и гордится до приторности. О томъ, какой

дорогой цѣной куплены всѣ эти голоса никто не спрашиваетъ...

Чтобы перечислить всѣ факты, свидѣтельствующіе объ явномъ и тайномъ развратѣ соціалистическихъ депутатовъ въ самихъ современныхъ парламентахъ, надо было бы написать цѣлый особый томъ. Говорить ли мнѣ о томъ, какъ французскіе соціалисты, чтобы поддержать «болѣе прогрессивное», въ дѣйствительности же лишь болѣе хитроумное буржуазное министерство, вотировали въ парламентѣ секретный полицейскій фондъ, направленный, какъ извѣстно, противъ революціоннаго пролетаріата? или напомнить всѣмъ о томъ, какъ итальянская соц.-дем. партія продолжала поддерживать министерство Цанарделли даже послѣ того, какъ Берра была обагрена кровью пролетаріата? Въ 1803 году соц.-дем. депутатъ Мюллеръ подалъ свой голосъ въ комиссіи швейцарскаго національнаго совѣта за проектъ покупки новыхъ пушекъ цѣною въ 22 милл. франковъ.—Извѣстный германскій соціальдемократъ Клосъ голосовалъ въ 1901 г. въ Штутгартскомъ городскомъ совѣтѣ за выдачу наградныхъ полицейскимъ, «охранявшимъ порядокъ» во время стачки трамвайныхъ служащихъ. «Всякій трудъ долженъ быть вознаграждаемъ»,—говорилъ онъ...—Послѣ наглаго вторженія парижской полиціи въ биржу труда и учиненнаго ею тамъ жесточайшаго избіенія рабочихъ 29 окт. 1903 г., пятнадцать соціалистическихъ депутатовъ все же вотировали за министра Комба, защищавшаго префекта полиціи Лепина, а четверо соціалистовъ воздержались отъ голосованія. — 30 іюня 1903 года на предложеніе Делькассэ разрѣшить кредитъ въ 300,000 франковъ на поѣздку президента Лубэ въ Испанію и пріемъ короля Эммануила, соціалистическій депутатъ Пресансэ про-

изнесъ горячую рѣчь въ защиту такого предложенія, послѣ чего всѣ соціалисты голосовали за него.—Германское правительство хищнически захватило у африканскаго чернокожаго племени Хереро всю территорію и подчинила его самому суровому солдатскому режиму. Хереро возстали. Германское правительство требуетъ у рейхстага средствъ для посылки въ Африку войскъ, которыя бы усмирили и наказали возставшихъ. Часть с.-д. депутатовъ за ассигнованіе этихъ средствъ, часть противъ и, наконецъ, большинство съ Бебелемъ во главѣ стоитъ за воздержаніе отъ голосованія. Побѣждаетъ это среднее, пилатовское рѣшеніе, и кредиты ассигнуются рейхстагомъ безъ протеста хотя бы одного голоса. Но на сей разъ даже пріученные къ «дисциплинѣ» нѣмецкіе рабочіе въ цѣломъ рядѣ своихъ собраній подвергали поведеніе своей парламентской фракціи строгому осужденію.—Въ ноябрѣ 1905—чтобы взять самый свѣженькій примѣръ—вся с.-д. фракція норвержскаго стортинга подаетъ свой голосъ за выборы новаго короля, а с.-д. члены городскаго совѣта въ Христіаніи принимаютъ оффиціальное участіе въ пріемныхъ торжествахъ при въѣздѣ короля въ столицу. Даже берлинскій «Vorwärts» счелъ своимъ долгомъ немножко поворчать по адресу своихъ норвежскихъ „товарищей“.

Столь же свѣжій примѣръ—вступленіе Джона Бёрнса въ новое англійское министерство. „Джонъ“, извѣстный и любимый рабочими агитаторъ, апостолъ бѣдныхъ и угнетенныхъ, сталъ вдругъ однимъ изъ главнокомандующихъ «верхнихъ 10-ти тысячъ», всемогущей и самодержавной буржуазіи! И уже въ первые дни его ренегатства ему, вмѣстѣ съ министромъ-премьеромъ, пришлось стать лицомъ къ лицу съ лондонскими безработными,

пришедшими къ нимъ просить помощи. Еще такъ недавно онъ самъ, неутомимый борецъ Джонъ, становился при всякомъ поводѣ во главѣ всѣхъ голодныхъ и холодныхъ, а теперь—сухимъ оффиціальнымъ тономъ, необыкновенно понравившимся центральному органу англійской буржуазіи, Times'у, Бернсъ заявилъ, что «сразу» ничего сдѣлать нельзя, но что правительство «приметъ всѣ мѣры, чтобы открыть причины безработицы и устранить ихъ»...

Вспомнимъ также длинную Мильерановскую эпопею! Соціализмъ въ товарищескомъ союзѣ съ Галифэ, кровожаднѣйшимъ палачемъ Коммуны!.. За Миллераномъ послѣдовали Бріанъ и Вивіяни.

— «Въ швейцарскихъ кантонахъ — говоритъ Поль Луи—многіе соціалисты, принявъ частицу исполнительной власти, оказались вынужденными поддержать жестокія репрессіи противъ бастовавшихъ рабочихъ; такъ было съ Тьебо въ Женевѣ, Вульшлегеромъ въ Базелѣ, Шереромъ въ Сентъ-Галлѣ»... («Будущее соціализма», стр. 86). Полю Луи чуждо, конечно, болѣе глубокое пониманіе такого постепеннаго сліянія «революціоннаго», «пролетарскаго» соціализма съ правящими и господствующими, но часть завѣсы, скрывающей закулисныя шашни этого соціализма, онъ намъ раскрываетъ.

«Повсюду первые успѣхи выборовъ—говоритъ напр. онъ—привлекали къ рабочимъ тысячи и тысячи людей, мелкихъ буржуа, буржуа-отщепенцевъ, неприспособившихся, приносящихъ съ собою лишь зависть, недовольство, особенно же честолюбіе. Тотъ хотѣлъ отомстить болѣе счастливому конкуренту; этотъ вдругъ возгорался ненавистью къ казнѣ; третій, адвокатъ безъ практики, раз-

считывалъ покорить округъ плавной рѣчью, а также безукоризненнымъ костюмомъ»...

Въ частности, о соціалистахъ—интеллигентахъ тотъ же авторъ,—самъ соціалистъ—интеллигентъ,—даетъ такой нелестный отзывъ:

«Интеллигентъ неминуемо впадаетъ въ искушеніе потребовать гегемоніи, руководительства. Ввергнутый личнымъ озлобленіемъ или чужою силою въ ряды пролетаріата, онъ немедля заявляетъ въ немъ притязаніе на видный постъ, чтобы имѣть возможность проявить свои многостороннія познанія, а также и получить возмездіе за свою поддержку... Но какъ только онъ достигнетъ первыхъ рядовъ, какъ только онъ заговоритъ тономъ вождя и получитъ право назвать себя уполномоченнымъ, опростившійся буржуа снова превращается въ буржуа чистаго. Такъ какъ въ большинствѣ современныхъ государствъ парламентская дѣятельность можетъ еще выдвинуть человѣка, то перебѣжчики изъ высшаго класса домогаются голосовъ рабочихъ. Они вступаютъ въ палаты; они здѣсь встрѣчаютъ промышленниковъ, коммерсантовъ, землевладѣльцевъ, всѣхъ собственниковъ, всѣхъ членовъ и делегатовъ правящей олигархіи... Потонувъ въ этой массѣ имущихъ, куда одиноко затесались два, три, пять рабочихъ, какъ могутъ они не поддаться мало-по-малу лести, общности существованія, ежедневному общенію? Они пролетаризировались въ тотъ моментъ, когда доведенные до нищеты почувствовали, какъ въ нихъ закипаетъ возмущеніе. Съ того дня, какъ ихъ облекутъ общественнымъ полномочіемъ и станутъ обходиться съ тѣмъ уваженіемъ, которое правительство оказываетъ представителямъ, они поднимаются надъ низшимъ классомъ. Постепенное, незамѣтное, но неуклонное и непоправимое паденіе

ихъ искренности начинается въ тотъ самый часъ, какъ они ступятъ на ковры зала собраній»...

Въ этихъ словахъ все было бы справедливымъ, если бы не моралистическая точка зрѣнія автора на причины соціалистическаго предательства пролетаріата: все де обстановка виновата, да недостаточная нравственная устойчивость интеллигента. Объ его сокровенномъ классовомъ нутрѣ и не догадывается нашъ авторъ. Отсюда и вся безплодность его безпощадной критики, отсюда же и ея полная безполезность для пролетаріата...

Есть наивные люди, желающіе и стремящіеся подчеркиваніемъ такихъ фактовъ исправить современныхъ соціалистовъ, направить ихъ на путь истины.

Совершенно безнадежное предпріятіе! Наша задача, великая очередная задача современнаго момента, состоитъ въ томъ, чтобы разоблачить передъ пролетаріатомъ всего міра классовую господскую подоплеку соціалистическаго движенія, его искусно запрятанные цѣли, планы и разсчеты.

Не съ «заблуждающимися» мы имѣемъ тутъ дѣло, а съ тонкими политиками, дьявольски-умно ведущими свою линію—подготовляющими грядущее царство всего объединеннаго господскаго и привиллегированнаго міра на плечахъ порабощеннаго пролетаріата.

V.

Книга Каутскаго въ защиту парламентаризма.

Книга эта написана уже сравнительно давно. Мы пользуемся здѣсь ея французскимъ переводомъ, вышедшимъ въ Парижѣ въ 1900 году съ хвалебнымъ предисловіемъ Жореса. „*Парламентаризмъ и соціализмъ, критическій этюдъ о прямомъ народномъ законодательствѣ*“ — таковъ заголовокъ этой книги, направленной противъ Риттингаузена и его сторонниковъ. По мнѣнію Жореса, главное достоинство этого труда германскаго марксиста-ортодокса состоитъ въ защитѣ парламентаризма съ точки зрѣнія соціалистической. Каутскій показалъ, — говоритъ Жоресъ, — что неправильно считать представительный и парламентарный режимъ естественной формой буржуазнаго господства; „интересно отмѣтить, — говоритъ онъ — что великій соціалистическій теоретикъ не только не признаетъ несовмѣстимости парламентаризма и соціализма, но что онъ предвидитъ необходимость функціонированія парламентаризма даже послѣ полной побѣды соціализма, послѣ торжества соціальной революціи“.

Еще большее впечатлѣніе произвела книга Каутскаго на Росс. Соц.-Дем. Партію. Когда-то

„Группа Освобожденія Труда“ требовала въ своей программѣ „устраненія современной системы политическаго представительства и замѣны ея прямымъ народнымъ законодательствомъ“. Но уже въ № 4 „Зари“, научно-литературнаго журнала Р. С.-Д. Р. П., г. Плехановъ сдѣлалъ слѣдующее откровенное признаніе:

„На счетъ представительной системы и прямого народнаго законодательства надо прямо сказать, что въ этомъ отношеніи группа „Освобожденія Труда“ находилась подъ вліяніемъ идей Риттингаузена, и что прекрасная работа Каутскаго: „Der Parlamentarismus. die Volksgesetzgebung und die Socialdemokratie (Stuttgart, 1893), заставила ее значительно измѣнить свой взглядъ“...

Заглянемъ же въ эту „прекрасную книгу“ и полюбуемся, ея достоинствами.

Центральное по своему содержанію мѣсто этой книги составляютъ XII и XIII главы, гдѣ Каутскій пытается защитить парламентаризмъ и представительную систему противъ Риттингаузена, назвавшаго еще въ 1849 году эти политическія установленія специфически-буржуазной формой государственности. „Каждой экономической и соціальной организаціи—писалъ еще въ то время Риттингаузенъ—соотвѣтствуетъ особая форма управленія, являющаяся для этой организаціи одновременно средствомъ своего осуществленія и сохраненія (консерваціи)... Классовое господство дворянства опиралось на абсолютную монархію; такое же господство буржуазіи могло установиться и сохраниться лишь при посредствѣ представительной системы“.

Таково одно изъ основныхъ положеній Риттингаузена, столь, казалось бы, гармонирующее не только съ данными исторіи, но даже и съ мате-

ріалистической концепціей исторіи. Каутскій, однако же, считаетъ своимъ „долгомъ“ „самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергнуть эту идею“. Нужно—говоритъ онъ—быть совершенно ослѣпленнымъ политикомъ, чтобы утверждать еще сегодня, что представительная система обезпечиваетъ, даже при режимѣ всеобщаго избирательнаго права, господство буржуазіи. Теперь уже стало очевиднымъ, что истинно-парламентскій режимъ можетъ быть орудіемъ диктатуры пролетаріата также, какъ онъ служилъ таковымъ орудіемъ и для буржуазіи. Не уничтожить парламентаризмъ, а усилить его позицію по отношенію къ правительству, равно какъ открыть пролетаріату возможно болѣе широкую дорогу къ парламентамъ—вотъ въ чемъ важнѣйшая обязанность рабочаго класса въ его борьбѣ за государственную власть. Что же касается основной природы парламентаризма, то историческіе факты—говоритъ Каутскій—показываютъ ошибочность взгляда Риттинггаузена. Польскій и шведскій парламенты, а также палата общинъ въ Англіи XVIII столѣтія служили орудіемъ господства дворянской аристократіи, а буржуазія укрѣпилась въ большинствѣ европейскихъ государствъ не при посредствѣ представительной системы, а благодаря содѣйствію абсолютизма. Такимъ образомъ,—заключаетъ Каутскій,—парламентаризмъ способенъ обслуживать всѣ классы, *не исключая и современнаго пролетаріата*...

„Нигдѣ—говоритъ Каутскій на стр. 166 фр. пер.—рабочій классъ не достигнетъ однимъ ударомъ полнаго обладанія государственной властью. Наиболѣе рѣшительнымъ шагомъ пролетарской революціи въ странахъ дѣйствительно парламентскихъ является завоеваніе всеобщаго избирательнаго права; въ странахъ же, гдѣ существуетъ

лишь подобіе парламентаризма, на долю пролетаріата выпадаетъ другая важная обязанность: завоеваніе вполнѣ парламентскаго режима"...

Но уже въ началѣ XIII главы онъ готовъ признать, что „идея", по которой парламентаризмъ есть по „преимуществу представительство буржуазіи, имѣетъ нѣкоторыя основанія, по крайней мѣрѣ для того времени, когда Риттингаузенъ задумывалъ свой проектъ прямого народнаго законодательства"... Правда, немедленно же онъ прибавляетъ: „но она не выдерживаетъ болѣе критики сегодня". И почему нѣтъ? А вотъ послушаемъ:

Парламентская дѣятельность—говоритъ Каутскій — требуетъ спеціальныхъ знаній и качествъ; она требуетъ извѣстнаго навыка въ произношеніи рѣчей, достаточно широкаго горизонта для пониманія всевозможныхъ вопросовъ національной и международной жизни; она требуетъ, наконецъ, извѣстной начитанности юридической, экономической и исторической. Въ силу уже этого одного, парламентскіе, дѣятели рекрутируются по преимуществу въ средѣ отличающейся всѣми такими качествами, а именно въ рядахъ адвокатовъ, профессоровъ, журналистовъ, чиновниковъ и т. д., или же въ средѣ того класса, члены котораго могутъ пріобрѣсти себѣ, если захотятъ, знанія и способности, необходимыя депутату,— напримѣръ, крупные капиталисты, крупные землевладѣльцы и подобные имъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было раньше, когда ни мелкіе буржуа, ни крестьяне и пролетаріи не могли имѣть такія качества. Но это *измѣнилось* съ ростомъ пролетарскаго движенія. По мѣрѣ развитія этого движенія рабочіе пріучаются къ произношенію рѣчей, набираются необходимыхъ свѣдѣній, и „пролета-

ріатъ становится, наконецъ, тоже однимъ изъ тѣхъ классовъ, откуда рекрутируются парламентскіе дѣятели, и парламентская работа перестаетъ быть монополіей имущихъ классовъ".

Къ счастью или къ несчастію, вся послѣдняя аргументація Каутскаго разбивается о простыя, но убѣдительныя статистическія цифры. Даже въ странахъ съ наиболѣе развитымъ рабочимъ движеніемъ и при всеобщей, равной и т. д. подачѣ голосовъ рабочіе—члены парламента крайне рѣдки и играютъ они тамъ самую жалкую роль. Въ своей книгѣ: „Что же такое, наконецъ, интеллигенція", я уже останавливался болѣе подробно на данномъ вопросѣ. Замѣтимъ лишь, что въ классовомъ строѣ, парламентская работа не можетъ не быть монополіей имущихъ и образованныхъ классовъ: это настолько само по себѣ очевидно, что возражать противъ этого можетъ одно лишь явное классовое лицемѣріе. Но Каутскій опровергъ самого себя въ своихъ статьяхъ „о республикѣ и соціалдемократіи во Франціи", напечатанныхъ въ журналѣ „Die Neue Zeit" за 1904. „Непосредственнѣе всего—читаемъ мы на стр. 262—буржуазія можетъ осуществлять свое господство въ парламентарной республикѣ или въ парламентарной монархіи, глава которой является простой декораціей. *Парламентарная форма правленія больше всего соотвѣтствуетъ ея классовымъ интересамъ* (к. нашъ). А на стр. 270 Каутскій говоритъ, что „парламентаризмъ есть форма классового господства, самымъ лучшимъ образомъ приспособленная къ ея (буржуазіи) классовому положенію; его требуетъ она повсюду, гдѣ только она достигла экономическаго могущества".

Что и требовалось доказать! Мы бы сказали лишь: „приспособленная къ классовому положенію буржуазіи *и интеллигенціи*"...

Но если все это такъ, то какимъ же чудомъ рабочіе могутъ съ каждымъ вновь избраннымъ соціалистическимъ депутатомъ приближаться на шагъ ближе къ своему освобожденію,—какъ это всегда и вездѣ говорили рабочимъ представители парламентарнаго соціализма?! Не вѣрнѣе ли—наоборотъ: не „приближаются“ а—удаляются?

До сихъ поръ мы оцѣнивали парламентаризмъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ пролетаріата. Едва ли болѣе полезенъ онъ можетъ быть и неимущему крестьянству. Этотъ фактъ признаетъ уже самъ Каутскій. „Мелкая буржуазія и неимущіе (petits) крестьяне,—говоритъ онъ,—разсѣянные по самому своему положенію, не въ состояніи контролировать своихъ представителей: тамъ, гдѣ они образуютъ большинство избирателей, они очень часто остаются обманутыми, тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе могущественъ парламентъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ повторяетъ то же самое, а именно, что „представительная система не благопріятна классу крестьянъ и мелкой буржуазіи, особенно небольшихъ городовъ“.

Россійскому неимущему крестьянству слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію это знаменательное признаніе одного изъ первыхъ апологетовъ парламентаризма: ужъ если даже они вынуждены признать, что парламентскіе представители крестьянства очень часто измѣняютъ его интересамъ, то какова же должна быть сама дѣйствительность? И такъ какъ у насъ, въ Россіи, крестьянство образуетъ большинство населенія и при томъ разсѣяно болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, то можно уже заранѣе представить себѣ каковъ будетъ всероссійскій парламентъ, вышедшій изъ „всенароднаго“ голосованія!

Ну, а каково, спрашивается, отношеніе парламентаризма къ интересамъ другихъ классовъ, классовъ господствующихъ и эксплуатирующихъ? быть можетъ, соціалистическіе защитники парламентаризма находятъ, что парламентаризмъ, какъ таковой, наноситъ этимъ интересамъ большій ущербъ, чѣмъ всякій другой режимъ.

Нисколько. На стр. 173 Каутскій прямо заявляетъ, что „парламентаризмъ *особенно благопріятенъ* (к. нашъ) всевозможнымъ крупнымъ собственникамъ (земельнымъ, денежнымъ), интеллигенціи и—при всеобщей подачѣ голосовъ—сознательной части промышленнаго пролетаріата".

О промышленномъ пролетаріатѣ мы уже говорили выше; мы видѣли что надо много политической наивности или, наоборотъ, интеллигентской наглости, чтобы утверждать о „благопріятномъ" отношеніи парламентаризма къ эксплуатируемымъ, порабощеннымъ массамъ. Что касается интеллигенціи, то она несомнѣнно выигрываетъ при введеніи парламентскаго строя: открывается легкая возможность по спинамъ пролетаріата добраться до тепленькихъ и почетныхъ мѣстъ въ парламентѣ. Эти мѣста такъ теплы, такъ уютны, что неудивительно, если, разъ усѣвшись въ нихъ соціалистическіе депутаты больше всѣхъ начинаютъ кричать о «незрѣлости» пролетаріата для своего освобожденія, если, по мѣрѣ увеличенія числа этихъ депутатовъ въ парламентахъ, моментъ окончательнаго освобожденія современныхъ рабовъ все болѣе отодвигается до второго пришествія. Но больше всѣхъ пока что выигрываютъ, несомнѣнно, всѣ денежные, промышленные, земельные и т. д. собственники. И поэтому Риттингаузенъ былъ до извѣстной степени правъ, называя парламентъ

спѣцифически-буржуазнымъ орудіемъ господства.

Способъ и достоинство всей остальной защиты парламентаризма, какую мы находимъ въ книгѣ Каутскаго, таковы же, какъ и въ этомъ основномъ, противъ Риттингаузена направленномъ, пунктѣ. Такъ, напримѣръ, Каутскій пытается доказать крайнюю необходимость парламента „его самымъ драгоцѣннымъ правомъ контролировать правительственныя дѣйствія“. Мы уже встрѣчались выше съ этимъ любимымъ козыремъ защитниковъ парламентаризма и дали ему должную оцѣнку. Теперь еще замѣтимъ, что даже *право парламента контролировать приходы и расходы правительства есть не болѣе, какъ одна злостная комедія, одно издѣвательство надъ рабочими массами.* Кто такое это все рѣшающее большинство въ парламентѣ, какъ не то же „правительство“, не тѣ же господствующіе классы, столь же заинтересованные во всѣхъ этихъ милитаризмахъ, маринизмахъ, тайныхъ и явныхъ фондахъ на содержаніе полиціи, какъ и такъ наз. „министерство“. Воронъ ворону глазъ не выклюнетъ, какими бы превосходными, но пустозвонными рѣчами ни разражались гг. соціалистическіе депутаты. Тогда какъ вотированіе французскими соціалистическими депутатами секретнаго полицейскаго фонда—это фактъ, и при томъ не единственно позорный въ исторіи парламентской дѣятельности французскихъ соціалистовъ.

Но мало того. Гдѣ, въ какой странѣ парламентарный контроль помѣшалъ чудовищному возростанію всевозможныхъ податныхъ тягостей, лежащихъ на рабочихъ массахъ? Въ какой вѣкъ возрасли эти тягости больше, какъ не въ вѣкъ парламентаризма, въ періодъ девятнадцатаго столѣтія? Когда правительства были болѣе безцере-

монны со своими ненасытными требованіями рабочихъ денежекъ на умноженіе своихъ колоссальныхъ орудій человѣческаго истребленія и всенароднаго одурачиванія? — Въ „золотой вѣкъ“ парламентаризма!

Обратитесь къ свидѣтельству болѣе безпристрастныхъ парламентскихъ дѣятелей самыхъ различныхъ партій, и они подтвердятъ только что нами сказанное. Интересенъ въ этомъ отношеніи Жюль Дестрэ, соціалистическій депутатъ бельгійскаго парламента. На стр. 7 своей уже не разъ цитированной нами здѣсь брошюры „Конецъ парламентаризма“ онъ заявляетъ, что „vis-à-vis государя, располагающаго имуществомъ своихъ подданныхъ, Собраніе, уполномоченное разрѣшать налоги, является для бѣдныхъ (pour les petits) значительной гарантіей“. Но это свое наивное утвержденіе *онъ же самъ* нѣсколькими страницами ниже (13 и 14) опровергаетъ самымъ безпощаднымъ образомъ, такъ что невольно становишься въ тупикъ, какъ здравомыслящій человѣкъ способенъ такъ безжалостно противорѣчить самому себѣ. Объясненіе можетъ быть только одно: „положеніе обязываетъ“, — положеніе соціалиста-парламентера обязываетъ къ непослѣдовательности и двуязычію.

„Мы замѣчаемъ съ изумленіемъ, — говоритъ онъ на стр. 13, — что парламентъ совершенно уклонился отъ своей исторической миссіи: учрежденный для того, чтобы наложить узду на расходы государственной власти, онъ оказываетъ теперь давленіе на эту послѣднюю, подстрекая ее къ все растущимъ расходамъ. *Орудіе экономіи сдѣлалось орудіемъ мотовства*“ (к. нашъ).

Жюль Дестрэ приводитъ затѣмъ подобныя же утвержденія различныхъ французскихъ писателей

(Поля Леруа-Болье, Vandal'я Michon'a и другихъ), всецѣло присоединяясь къ ихъ мнѣнію. „Въ Англіи, въ Италіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, вездѣ, гдѣ функціонируетъ парламентскій режимъ, онъ даетъ поводъ къ тѣмъ же нареканіямъ. Не только расточаются всѣ наличные рессурсы, но безумно отягощаются долгами и грядущія поколѣнія. Банкротство представляется почти что нормальнымъ исходомъ"...

И такъ, къ расточительности правительства парламентъ присоединяетъ еще свою. Дестрэ ссылается на свидѣтельство Vandal'я, дающаго объясненіе этому и безъ того, въ сущности, легко объяснимому факту:

„Современные куртизаны пребываютъ уже не въ Версали. Они развелись въ нашихъ городахъ, въ нашихъ деревняхъ, въ нашихъ самыхъ скромныхъ окружныхъ и кантональныхъ центрахъ, вездѣ, гдѣ всеобщее избирательное право располагаетъ какимъ-либо мандатомъ и можетъ пожаловать частичку власти. Повсюду они приносятъ съ собой обѣщанія расточительныхъ щедротъ, образованіе излишнихъ должностей, безразсудное расширеніе общественныхъ работъ и службъ, какъ легкое средство популярности и торжества въ избирательномъ публичномъ торгѣ. Вмѣстѣ съ властью произошло перемѣщеніе и самого источника расточительности: онъ находится теперь въ Палатахъ".

Но оставимъ соціалиста Дестрэ, и послушаемъ либерала М. М. Ковалевскаго, въ его статьѣ о государственномъ устройствѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (см. „*Политическій строй современныхъ государствъ*". Сборникъ, т. 1). Какъ ни склоненъ этотъ писатель представить намъ эту „страну свободы" въ розовомъ свѣтѣ, все же онъ

не находитъ ни одного слова для возраженія цитируемымъ имъ на стр. 392 писателямъ, раскрывающимъ передъ нами противоположную сторону медали. Послушаемъ же этихъ писателей:

„Исторія законодательной дѣятельности штатовъ—пишетъ Джемсъ Де Виттъ Андрьюсъ—представляетъ намъ не разъ картину презрѣннаго и преступнаго отчужденія народныхъ правъ продажными камерами... Постоянныя изъятія, фактическія монополіи, расточительныя раздачи денегъ изъ народнаго кошелька—являются обычной практикой американскихъ законодательныхъ палатъ... Послѣдствіемъ было обремененіе народа долгами и установленіе закономъ неравенства состояній, доводящаго простой народъ до полнаго отчаянія“.

Въ томъ же смыслѣ высказывается и другой американскій писатель, Эзра Симанъ. Все это какъ нельзя лучше подтверждаетъ слова Энгельса въ его предисловіи къ „Гражданской войнѣ“, гдѣ онъ говоритъ о Сѣв.-Амер. парламентѣ, состоящемъ изъ „двухъ большихъ шаекъ политическихъ спекуляторовъ, которые поперемѣнно овладѣваютъ властью и эксплуатируютъ ее самыми грязными средствами для самыхъ грязныхъ цѣлей, а нація остается безсильной передъ этими двумя большими союзами политиковъ, которые, повидимому, находятся у ней въ услуженіи, а на самомъ дѣлѣ грабятъ ее и господствуютъ надъ нею“... Странно лишь, что Энгельсъ говоритъ здѣсь о какой-то „націи“ забывая, что въ каждомъ современномъ обществѣ существуютъ *двѣ* „націи“: 1) господское образованное и привиллегированное общество и 2) пролетаріатъ.

Такова въ дѣйствительности, а не въ фантазіи, польза отъ права „вотировать бюджетъ“, располагаемаго парламентами. Хитроумное средство дурачить рабочія массы—ничего болѣе.

Но возвратимся къ Каутскому, къ его защитѣ парламентаризма, столь восхитившей Жореса-Плеханова и товарищей. Предъ нами невольно встаетъ вопросъ: откуда же вся эта бездна самыхъ явныхъ противорѣчій, самыхъ кричащихъ заблужденій? чѣмъ объяснить это упорное желаніе защитить и реабилитировать то, что незащитимо, полное банкротство чего теперь у каждаго передъ глазами? Вся исторія парламентаризма есть одна лишь длинная цѣпь возмутительнѣйшихъ преступленій противъ рабочихъ массъ; все участіе соціалистовъ въ парламентахъ—одна лишь печальная лѣтопись позора, предательства и обмана пролетаріата. И все это, весь этотъ огромный историческій опытъ не мѣшаетъ и современному соціалистическому поколѣнію призывать массы къ участію въ выборахъ, не мѣшаетъ воспѣвать гимны парламентаризму и представительной системѣ! Невольно задаешь себѣ вопросъ: да полно-те, одна ли тутъ ошибка со стороны всей этой соціалистической интеллигенціи, одна ли лишь странная, совершенно необъяснимая политическая наивность? Вѣдь, всѣ эти интеллигенты—соціалисты люди превосходно образованные, все „критически—мыслящія“ личности, мнящія себя постигшими всю соціально-политическую мудрость? Откуда же эта упорная привязанность къ формамъ и методамъ дѣятельности, не приближающимъ, а отдаляющимъ конечное освобожденіе рабовъ физическаго труда отъ рабства и эксплуатаціи?

Марксисты учили насъ прилагать къ анализу всякаго общественнаго явленія „матеріалистическій“ методъ. Мы принимаемъ этотъ методъ лишь въ слѣдующей его части: исторія двигается борьбою экономич. интересовъ общественныхъ группъ и классовъ; всякій классъ, всякая соціальная группа

должны быть оцѣниваемы не по тому, что они сами о себѣ говорятъ (и какъ бы хорошо они о себѣ ни говорили), не по ихъ фразеологіи и не по ихъ лозунгамъ, а исключительно по тому общественному положенію, какое они занимаютъ въ въ исторической борьбѣ, т. е. съ точки зрѣнія ихъ матерьяльныхъ интересовъ. Подойдемъ же съ этой мѣркой и ко всей современной интеллигенціи. Ужъ тѣмъ однимъ, что она *интеллигенція*, что она—*привиллегированная* группа, она можетъ лишь существовать *насчетъ* эксплуатаціи рабовъ современнаго строя, на счетъ ручного труда рабочихъ массъ. Правда, сравнительно съ прочими эксплуатирующими группами матеріальное положеніе большинства интеллигенціи довольно таки скромно; но не въ ея интересахъ, какъ соціальной привиллегированной группы, уничтоженіе всякой привиллегіи, всякой эксплуатаціи. И подобно буржуазіи ея юнаго періода современная интеллигенція вовлекаетъ рабочія массы въ борьбу свою съ болѣе привиллегированными слоями общества, руководясь при этомъ своимъ классовымъ инстинктомъ, своими интересами, какъ привиллегированнаго класса. Въ рамкахъ абсолютистскаго режима она стремится вовлечь рабочихъ въ революціонную борьбу за такъ наз. демократическую республику, не потому, чтобы эта борьба стоила рабочихъ жертвъ а потому, что такая республика откроетъ цѣлый рядъ новыхъ поприщъ для интеллигентныхъ силъ, улучшитъ положеніе интеллигенціи. Въ предѣлахъ буржуазнаго строя такъ наз. «соціалистическая» интеллигенція борется съ буржуазіей за увеличеніе доли приходящагося на нее общественнаго пирога, за умноженіе мѣстъ, дающихъ ей привиллегированное положеніе. Такими мѣстами являются, между прочимъ, и мягкія почетныя кресла

въ парламентѣ. Всеобщее избирательное право не даромъ поэтому пользуется такой симпатіей интеллигенціи, какъ особаго общественнаго класса.

Въ этой, на первый взглядъ совершенно непонятной, любви интеллигенціи къ парламентаризму, въ этомъ все усиливающемся духѣ постепеновщины и «тихаго шага» сказывается лишь классовая природа интеллигентской психологіи, дрожащей за свои классовыя привиллегіи. Это не мѣшаетъ, конечно, той же интеллигенціи обѣщать рабочему классу въ далекомъ туманномъ будущемъ полное освобожденіе труда отъ капитала, свободу, равенство и братство. Безъ приманки вѣдь рабочій классъ не пошелъ бы добывать интеллигенціи теплыя мѣста въ парламентахъ и въ коммунальныхъ учрежденіяхъ.

VI.

Поддается ли парламентаризмъ исправленію?

Современные соціалистическіе адвокаты парламентаризма, желающіе во что бы то ни стало спасти свое излюбленное дѣтище, изображаютъ всѣ его перечисленныя выше язвы, какъ что-то случайное, не органически, а лишь временно ему присущее, а слѣдовательно и поддающееся излѣченію. Не въ парламентаризмѣ зло, — говорятъ, обыкновенно, они, — а въ несовершенномъ, т. е. недостаточно демократизованномъ парламентаризмѣ.

Изъ современныхъ соціалистическихъ писателей, наиболѣе горячо защищающихъ эту мысль, упомяну здѣсь Н. Е. Кудрина. Въ статьѣ его „Государственный строй Франціи“, помѣщенной въ сборникѣ: «Политическій строй современныхъ государствъ» (т. I), мы находимъ такое, напримѣръ, простодушное заявленіе:

—...„Но развѣ въ практикѣ свободныхъ (sic!) странъ нѣтъ и лекарства противъ этихъ золъ? Вы говорите о недостаточномъ выраженіи воли всего народа. Кто мѣшаетъ вамъ, однако, расширить такъ принципъ всеобщей подачи голосовъ, чтобы изъ фиктивнаго онъ превратился въ дѣйствительное выраженіе мнѣнія страны? Дарованіе права

политическаго вотума женщинамъ, которое прекратитъ (?!) возмутительное рабство половины человѣческаго рода; введеніе пропорціональнаго представительства, которое позволитъ мало-мальски серьезному меньшинству не быть затопленнымъ большинствомъ; строгое соблюденіе тайнаго (sic!) вотума, которое не даетъ (?) возможности привиллегированнымъ классамъ давить при выборахъ на массы,—уже эти реформы въ состояніи дать болѣе точное выраженіе воли страны."

Всякій, познакомившійся съ фактической стороной парламентарной жизни изъ предыдущихъ главъ, не нуждается еще въ нашихъ комментаріяхъ, чтобы постигнуть всю ребяческую наивность вышеприведенной цитаты. „Кто мѣшаетъ вамъ"... это прекрасно!.. Да какъ ни расширяйте «принципъ всеобщей подачи голосовъ» при существованіи реальнаго экономическаго рабства, вы никогда не сможете сдѣлать парламентъ выраженіемъ воли угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ рабочихъ массъ. Вы мните себя идеологомъ пролетаріата, г-нъ Кудринъ, и вы этого не понимаете? Но допустимъ, что вы простой демократъ не фальсифицованы, а истинный, „чистый демократъ". И тогда вы не могли бы, не въ правѣ были бы дѣлать такія реплики противъ принципіальныхъ противниковъ парламентаризма. „Парламентъ—выраженіе воли всего народа"! Да справьтесь хотя бы у «отца демократіи», въ „Общественномъ договорѣ" (livre III chap XV), и вы узнаете тамъ, что «воля народа не представляется.» Обратитесь къ Франтцу (Die Naturllhre d. Staates), и онъ вамъ тоже скажетъ, что «воля не переносима». Вѣдь, все это—азбука демократизма; первая заповѣдь истинной демократіи!

«Дарованіе вотума женщинамъ прекратитъ раб-

ство»... и т. д. Да что вы разумѣете подъ рабствомъ, г-нъ Кудринъ, и что подъ свободой? Вы же знаете, что какое бы широкое избирательное право ни предоставить женщинамъ въ рамкахъ капиталистическаго строя, ни наемное, ни семейное (матеріальная зависимость отъ мужняго или отцовскаго кошелька) рабство женщины не исчезнетъ, какъ не исчезнетъ и «возмутительное рабство» проституціи. Это право предоставило бы лишь привиллегированнымъ, интеллигентнымъ барынямъ возможность упражняться въ парламентскомъ краснорѣчіи на спинахъ и на счетъ своихъ непривиллегированныхъ сестеръ-рабынь, какъ это уже теперь и дѣлаютъ привиллегированные мелкіе буржуа и интеллигенты на счетъ «свободныхъ» рабовъ ручного каторжнаго труда.

Но послушаемъ г-на Кудрина еще дальше. До сихъ поръ онъ блисталъ наивностью, а теперь онъ покажетъ намъ свое невѣжество. И въ самомъ дѣлѣ, читайте такую, напримѣръ, сентенцію все о томъ же, о «возможности» исцѣленія парламентаризма отъ его золъ:

«Вы говорите—читаемъ мы на стр. 543—о возможномъ вотумѣ незначительнымъ парламентарнымъ большинствомъ крайне непопулярныхъ мѣръ въ странѣ. Опять-таки кто мѣшаетъ вамъ ввести повсюду примѣненіе хотя бы начала referendum'а или всенароднаго опроса, какъ онъ, напр., функціонируетъ, пока еще все же въ недостаточныхъ размѣрахъ,—въ Швейцаріи?.. Можно ли думать, что при этихъ условіяхъ парламентъ будетъ вотировать непопулярныя въ странѣ мѣры». Raisonnement г-на Кудрина здѣсь таковъ: «вы жалуетесь на парламентаризмъ? ну, такъ замѣните его прямымъ народнымъ законодательствомъ, и парламентъ станетъ функціонировать правильно»... Дру-

гими словами: хотите, чтобы парламентъ функціонировалъ правильно?—уничтожьте его, и вы достигнете желаемаго!..

Но этимъ еще не исчерпана вся геніальная защита парламентаризма, предпринятая г-номъ Кудринымъ на страницахъ солиднаго государственно-политическаго сборника.

«Вы говорите—читаемъ мы далѣе—объ интригахъ, которыя наполняютъ жизнь парламента, объ измѣнахъ представителей своимъ избирателямъ, объ отказѣ ихъ вотировать въ духѣ выборныхъ программъ. Почему бы тогда не выставить коррективомъ «точныя инструкціи», даваемыя избирателями своему депутату и обязывающія его, подъ страхомъ немедленной потери мѣста, выражать своими вотумами дѣйствительное настроеніе людей, повѣрившихъ ему свои интересы».

Дѣло идетъ здѣсь о такъ наз. императивныхъ мандатахъ. Это одинъ изъ главныхъ козырей всѣхъ исправителей и обновителей парламентаризма. Къ несчастью для нихъ, средство это никуда негодно. Парламентарное представительство и mandat imperatif—двѣ вещи несовмѣстимыя ни логически ни реально. Въ этомъ теперь сходятся почти всѣ извѣстнѣйшіе писатели. Самое понятіе «точныхъ инструкцій, даваемыхъ избирателями своему депутату» противорѣчитъ существу отношеній между депутатомъ и избравшимъ его округомъ. «Съ этимъ округомъ—говоритъ Н. И. Лазаревскій—депутатъ юридически ничѣмъ не связанъ: онъ не его представитель, инструкцій отъ него получать онъ не имѣетъ права, отчета въ своихъ дѣйствіяхъ давать не обязанъ. Все участіе населенія проявляется въ однократномъ актѣ, состоящемъ только въ подачѣ голоса за того или другого кандидата. Права населенія этимъ вполнѣ

исчерпываются...“ Кромѣ того, такія точныя инструкціи и практически недопустимы,—говоритъ далѣе тотъ же авторъ,—ибо дѣлали бы работу собранія невозможною (напр., въ случаѣ возникновенія какого-либо вопроса, непредусмотрѣннаго хотя бы въ нѣкоторыхъ инструкціяхъ).“

Изъ иностранныхъ писателей Жюль Дестрэ относится тоже отрицательно къ этому средству обновленія парламентаризма. „Изъ всѣхъ коррективовъ, предлагаемыхъ противъ кризиса парламентаризма,—пишетъ Дестрэ на стр. 28 своей брошюры,—ни одинъ не приведетъ къ желательному исцѣленію“. Ссылаясь на статью Henri Galiment'a: „Le Mécanisme du mandat impératif“ (въ Revue socialiste, 1893, № 108), онъ скептически относится къ предложенному тамъ плану: ужъ лучше просто перейти къ прямому народному законодательству.

Не менѣе отрицательно къ точнымъ инструкціямъ относится и Каутскій въ своемъ трудѣ о парламентаризмѣ. „Воскресить депутатовъ, связанныхъ какъ въ былыя времена со своимъ городомъ или со своей корпораціей, невозможно. Это было бы въ противорѣчіи съ существованіемъ современнаго Государства, которое такимъ путемъ распалось-бы въ простую федерацію маленькихъ суверенныхъ коммунъ (избирательныхъ округовъ).“ Впрочемъ,—говоритъ далѣе Каутскій,—такіе императивные мандаты стараго образца теперь вовсе и ненужны. „Парламентскій дѣятель является теперь уполномоченнымъ въ совершенно иномъ смыслѣ: онъ не есть уполномоченный своего избирательнаго комитета, но, если не формально, то, по крайней мѣрѣ, фактически, онъ есть уполномоченный своей партіи. Въ особенности это справедливо по отношенію къ такой партіи, какъ соціалдемократія“...

Каутскій отмѣчаетъ здѣсь вполнѣ вѣрный и крайне интересный фактъ самодержавнаго и деспотичнаго господства политическихъ партій надъ избирателями,—господства, являющагося тоже одной изъ самыхъ гнойныхъ язвъ современной соціальной жизни. Благодаря такому господству, депутатъ не только не становится ближе къ избирателямъ, а наоборотъ навязывается имъ почти что насильно. Прочтите-же, что пишетъ объ этомъ М. Ковалевскій въ цитированной уже нами выше статьѣ, посвященной С.-А.-Соединеннымъ Штатамъ. Избиратели тамъ находятся въ рабствѣ у той или иной политической партіи, а партія, въ свою очередь, пляшетъ подъ дудку нѣсколькихъ тирановъ-вожаковъ. Эти порядки заатлантической „свободной“ республики до того поучительны, особенно для всѣхъ наивныхъ поборниковъ „демократической республики“, что мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ этой статьи соотвѣтственныя выдержки.

„Хотя въ теоріи — читаемъ мы тамъ на стр. 385 — президентъ и продолжаетъ считаться народнымъ избранникомъ, но въ дѣйствительности, какъ самъ онъ, такъ и вся, создаваемая имъ администрація, не болѣе какъ ставленники одолѣвшей на выборахъ партіи... Обѣщеніе денегъ и мѣстъ служитъ для этого надежнѣйшимъ средствомъ. Тѣмъ же порядкомъ немногимъ политиканамъ удается обезпечить желательный для нихъ составъ національныхъ конвенцій. Съ помощью такой системы всѣ дѣла партіи рѣшаются тайно небольшимъ числомъ вожаковъ и помимо всякаго публичнаго обсужденія, какъ предлагаемыхъ резолюцій, такъ и качествъ и недостатковъ лицъ, которыхъ партія рекомендуетъ въ кандидаты на выборахъ... При такихъ условіяхъ и въ Конгрессѣ

большинство скорѣе регистрируетъ велѣнія, входящія въ программу партіи и нерѣдко навязанныя ей единоличнымъ ея главою, нежели проводитъ самостоятельно выработанныя воззрѣнія на текущіе вопросы законодательства. Члены сената и нижней палаты такъ же мало свободны въ распоряженіи своимъ голосомъ, какъ и президентскіе выборщики"...

Каутскій можетъ здѣсь возразить, что все это вѣрно лишь по отношенію къ другимъ, буржуазнымъ, партіямъ, но ни въ какомъ случаѣ не къ соціалдемократіи. „Соціалдемократическая партія— говоритъ онъ—является представительницей всего сознательнаго и борющагося пролетаріата. Въ силу этого соціалистическій депутатъ становится тѣмъ, чѣмъ былъ когда-то избранный въ Генеральные штаты, а именно уполномоченный народа; не делегатъ какой-либо маленькой общины, а делегатъ Партіи, охватывающей территорію цѣлаго государства. Подобно тому какъ въ прессѣ, такъ и въ парламентѣ деморализація встрѣчаетъ солидную преграду въ организаціи и дисциплинѣ борющагося пролетаріата. Нѣтъ ни одной партіи, которая такъ держала бы своихъ выборныхъ въ своихъ рукахъ и которая бы могла такъ твердо разсчитывать на нихъ, какъ партія соціалистическая".

Здѣсь Каутскій совершаетъ крупную ошибку, органически присущую всѣмъ соціалистамъ: онъ смѣшиваетъ свою партію съ пролетаріатомъ, какъ будто это двѣ вещи совершенно тожественныя. Да, Каутскій правъ, с.-д. „партія" въ большинствѣ странъ держитъ въ своихъ рукахъ своихъ выборныхъ; только онъ забываетъ самое важное, а именно, что эти выборные являются въ то же время и вліятельнѣйшими вожаками партіи. Въ ре-

зультатѣ выходитъ, что с.-д. депутаты сами себя держатъ въ рукахъ...

Но перейдемъ къ г-ну Кудрину, къ его глубокомысленной защитѣ парламентаризма. Начавши за здравіе, онъ кончаетъ за упокой; начавши съ того, что язвы парламентаризма не присущи ему, какъ таковому, а подлежатъ исцѣленію, и перечисливъ рекомендуемыя имъ лекарства, онъ заключаетъ:

„Несомнѣнно, что всѣ эти политическія реформы не устраняютъ, въ концѣ концовъ, подавленія меньшинства большинствомъ, личности группой, какъ не устраняютъ борьбы великихъ соціальныхъ классовъ»... Все же г. Кудринъ усматриваетъ положительную сторону парламентаризма (этотъ послѣдній терминъ съ легкой душой замѣняется имъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ другимъ: „широкая демократія“ !...) въ томъ, что онъ „откровенно ставитъ лицомъ къ лицу борющіяся силы“, и приглашаетъ насъ „привѣтствовать“ эту систему за ея „искренность, не затуманивающую лицемѣріемъ основныя противорѣчія современнаго строя, основаннаго на борьбѣ“.

Слышите, читатель! парламентаризмъ и — „откровенность“, парламентаризмъ и — „искренность“, отсутствіе лицемѣрія! Орудіе классового господства всѣхъ тунеядцевъ и эксплуататоровъ, призванное въ жизни только для того, чтобы устраивать ихъ дѣлишки, все построенное на интригахъ, подкупѣ, обманѣ, фальсификаціи общественнаго мнѣнія страны—и это чудище, обло, озорно и лаяй, это чудовище, современнаго капиталистическаго общества соціалистъ г. Н. Е. Кудринъ приглашаетъ насъ „привѣтствовать“ за искренность и зеркально-вѣрное отраженіе основныхъ

противорѣчій современнаго строя! *) Какъ объ яснить себѣ такое странное явленіе? Что тутъ? полное затемненіе мысли или простой lapsus linguae, обмолвка, заблужденіе?...

Ни то, ни другое. Мы имѣемъ тутъ дѣло ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ типическимъ продуктомъ интеллигентской мысли, чутко слѣдующей внутреннему голосу классового интереса интеллигенціи, для которой парламентъ есть одно изъ важнѣйшихъ средствъ привиллегированнаго существованія. Этотъ интересъ и есть та wis major, которая не поддается никакимъ логическимъ аргументамъ и будетъ упорно отстаивать свою позицію вопреки всякой очевидности. Интеллигенція, какъ таковая, какъ бы радикальна она ни была, никогда не отречется отъ своего кумира . . . . . изъ чувства своего классового самосохраненія.

Мы не будемъ цитировать здѣсь другихъ писателей, выступившихъ въ послѣднее время въ защиту парламентаризма,—всѣ они повторяютъ другъ друга, пережевывая все одни и тѣ же аргументы *). Со времени Луи-Блана, съ его трудомъ въ защиту парламентаризма („Plus de Girondins!“), не сказано въ этомъ отношеніи ничего по существу новаго. Ничтожность же аргументаціи Луи-Блана давно уже доказана Риттинггаузеномъ въ его трудѣ: „Die unhaltbaren Grundlagen des Rep-

*) Отмѣтимъ однако здѣсь вкратцѣ еще изумительно смѣлое утвержденіе г-на Кудрина о томъ, что „свобода печати въ такой степени вошла въ нравы современной Франціи, что нынѣ даже и реакціонеры жестоко возстали бы противъ ея ограниченія“. Такъ пишетъ цитируемый авторъ на стр. 539, а страницей раньше *онъ же самъ* отмѣчаетъ дѣйствующій и по нынѣ законъ 1881 года о печати, по которому жестоко преслѣдуется подстрекательство (въ печати) военныхъ къ неисполненію ихъ долга „анархическіе происки“ (съ ограниченіемъ гласности судебныхъ преній) и т. д. Насколько реальны эти преслѣдованія показалъ процессъ антимилитаристовъ въ декабрѣ 1905 года.

*) См. напр. В. А. Поссе: „Теорія и Практика“, стр. 615.

räsentatif-Systems". Риттингаузенъ отмѣтилъ, между прочимъ, крайнюю наивность Луи-Блана, ожидавшаго обновленія парламентаризма отъ самого парламента: парламентъ самъ себя лишитъ своихъ привиллегій, самъ себя высѣчетъ!..

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ вполнѣ опредѣленное и *совершенно особое* отношеніе наше, какъ къ парламентаризму вообще, такъ и къ независимой борьбѣ рабочаго класса въ частности и въ особенности.

Наше отношеніе къ такой самостоятельной борьбѣ рабочаго класса за свое освобожденіе не имѣетъ ничего общаго съ action directe современныхъ революціонныхъ синдикалистовъ и анархистовъ. Анархисты *игнорируютъ* парламенты, они ничего и слышать не хотятъ о *законахъ*, вырываемыхъ у центральной государственной власти самостоятельнымъ сплоченнымъ напоромъ пролетаріата. Между тѣмъ, только путемъ такихъ законовъ передовой борющійся авангардъ рабочаго класса заставляетъ распространить ту или иную завоеванную имъ мѣру и на всю остальную, болѣе пассивную и слабую часть пролетарскихъ массъ. Еще менѣе общаго имѣемъ мы и съ революціонными синдикалистами, страдающими крайней невыдержанностью и непослѣдовательностью своей основной позиціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно лишь познакомиться съ profession de foi этого теченія по книжкѣ Лагарделля: „*Революціонный синдикализмъ*" *). Пораженные парламентскимъ „безсиліемъ" и безплодностью политическихъ партій, говоритъ Лагар-

*) Изданіе „Шиповникъ". Спб. 1906, стр. 105 и слѣд.

дель, синдикалисты поняли, что только одно могучее движеніе массъ способно принести желаемые результаты.

„Французская рабочая партія Геда въ теченіе долгаго времени вела агитацію въ пользу восьмичасоваго дня. Эта агитація приняла форму ежегоднаго угрожающаго предупрежденія, дѣлаемаго ею властямъ. Приблизительно съ 1890 по 1895 гг. каждаго перваго мая делегаты французской рабочей партіи торжественно шли либо въ муниципалитетъ, либо къ префекту, либо къ депутату, чтобы напомнить имъ главное требованіе рабочей программы. Власти не придавали никакого значенія этимъ хожденіямъ, и манифестаціи вскорѣ совсѣмъ прекратились. Несмотря на неудачу такого образа дѣйствій, какъ Гедъ, такъ и члены всѣхъ соціалистическихъ партій, сохранили вѣру въ легальныя парламентскія средства борьбы“...

Отсюда можно бы, кажется, сдѣлать выводъ, что французскій „революціонный“ синдикализмъ *потерялъ* уже вѣру въ такія средства борьбы. Ничуть не бывало. Правда, Лагарделль цитируетъ даже Вандервельда, сознавшагося какъ-то, что «вся исторія пролетарскаго движенія указываетъ, что рабочіе всегда вырывали у буржуазнаго парламента реформы не иначе, какъ посредствомъ самостоятельной борьбы, а не черезъ посредничество третьихъ лицъ»... Но «значитъ ли это,—спрашиваетъ Лагарделль,—что французскій синдикализмъ отрицаетъ и отталкиваетъ содѣйствіе соціалистической партіи?» и отвѣчаетъ самъ: «Ничуть»... «Синдикальное движеніе во Франціи не есть движеніе противупарламентское, какимъ хотѣли его представить, но внѣпарламентское» (125 стр.)... Революціонный синдикализмъ не отказывается, такимъ образомъ, имѣть своихъ предста-

вителей въ парламентѣ, онъ только считаетъ необходимымъ прочесть этимъ представителямъ мораль, какъ они *должны* держать себя и какъ смотрѣть на себя и что понять... а то все, видите ли, такой непонятливый народъ, эти представители,— какъ ихъ ни корми, а они все въ лѣсъ глядятъ...

Парламентъ, хотя бы и самый демократическій, является всегда организованной центральной властью господствующихъ классовъ. Къ ней пролетаріатъ долженъ предъявлять свои все расширяющіяся требованія, у нея вырывать все болѣе крупныя мѣры на пользу всего рабочаго класса. Но *участвовать* въ ней, въ этой власти, онъ болѣе, чѣмъ не долженъ,—онъ *не можетъ*. Стремясь къ такому участію путемъ всеобщаго избирательнаго права, онъ фатально долженъ прибѣгать къ посредничеству «третьихъ лицъ», которымъ онъ довѣряетъ свою судьбу, а такими лицами являются, по общему правилу, лишь «умственные люди», т. е. интеллигенція — по своему классовому положенію чуждая и враждебная интересамъ пролетаріата общественная сила.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Введеніе	. . . . .	3
Глава I.	Парламентаризмъ и народоправство.—Что надо понимать подъ „банкротствомъ“ и „кризисомъ“ парламентаризма.	7
„ II.	Всеобщее, прямое, равное и тайное . . . . надувательство	33
„ III.	Что даютъ парламенты рабочему классу? . . .	49
„ IV.	Парламентаризмъ, какъ факторъ деморализаціи рабочаго класса	69
„ V.	Книга Каутскаго въ защиту парламентаризма	84
„ VI.	Поддается-ли парламентаризмъ исправленію? .	97

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ, НАКОНЕЦЪ, ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ?

Критико-соціологическій опытъ

Евгенія Лозинскаго.

СОДЕРЖАНІЕ:

Глава I. Современный переломъ въ жизни русской интеллигенціи. —Отсутствіе и необходимость строго-научной дефиниціи интеллигенціи.

Глава II. Вопросъ объ интеллигенціи на Франкфуртскомъ с. д. партейтагѣ 1894 года—Начало теоретической дискуссіи въ журналѣ „Die Neue Zeit".

Глава III. Отношеніе вождей германской соціалдемократіи къ интеллигенціи.—Эрфуртская программа объ интеллигенціи.

Глава IV. Продолженіе дискуссіи объ интеллигенціи въ журналѣ „Die Neue Zeit", статья К. Каутскаго: „Die Intelligentz und die Socialdemocratie." — Вопросъ объ интеллигенціи въ брошюрѣ К. Каутскаго: „Соціальная Революція".

Глава V. Французская соціалистическая лите-

ратура объ интеллигенціи: Поль Лафаргъ и Гюберъ Лагарделль.—

Глава VI. Изъ исторіи русской интеллигенціи: народничество и народовольчество, какъ начало классового интеллигентскаго движенія.

Глава VII. Новѣйшая русская соціалистическая литература объ интеллигенціи. —Русскій марксизмъ и интеллигенція.—

Глава VIII. Теорія классовой борьбы.—Интеллигенція,—какъ новый подымающійся господскій классъ: его эксплуататорскіе интересы, стремленія и идеалы.

Глава IX. Такъ наз. „научный соціализмъ“: его интеллигентски—классовая подоплека.—Научныя „заслуги“ новѣйшей политической экономіи вообще, Карлъ Маркса въ частности и въ особенности. Карлъ Каутскій о распредѣленіи въ соціалистическомъ обществѣ.

Глава X. Обобществленіе средствъ и орудій производства, какъ классовой идеалъ, интеллигенціи.—Пути и средства къ его осуществленію:-буржуазныя свободы, парламентаризмъ, синдикализмъ.—Заключеніе.

Цѣна 1 руб.

ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ПРОФЕССИЙ

Книгоиздательство „НОВЫЙ ГОЛОСЪ.“

Е. Лозинскій. Итоги парламентаризма.
Что онъ далъ и можетъ ли онъ что-либо дать РАБОЧИМЪ МАССАМЪ? ц. 35 к.

Его-же. Что-же такое, наконецъ, интеллигенція?
(критико-соціологическій опытъ) ц. 1 руб.

Профессіональные союзы и революціонный синдикализмъ.
(готовится къ печати).

Рабочая библіотека „Новаго Голоса“.

№ 1. Чего ждать русскимъ рабочимъ отъ всеобщаго избирательнаго права? ц. 5 к.

Готовится къ печати №№ 2 и 3, о профессіональныхъ союзахъ и о революціонныхъ синдикатахъ.

НА СКЛАДѢ ИМѢЮТСЯ:

№№ 1 и 2 журнала „ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ“. по 10 к.

Марксъ и Энгельсъ наканунѣ ихъ историческаго выступленія.

Вып. I. Энгельсъ. Рѣчи. ц. 7 к.

Вып. II. Марксъ и Энгельсъ. Святое семейство.
1. По поводу Прудона. Объ умозрительной философіи. ц. 10 к.

Вып. III. Святое семейство.
2. Духъ и масса. Къ еврейскому вопросу. (Съ критическими примѣчаніями.) ц. 16 к.

Лица, выписывающіе на 1 рубль, и болѣе за пересылку *не платятъ*. Книги высылаются заказной бандеролью. Деньги просятъ высылать *впередъ*. (Можно марками).

Книжнымъ магазинамъ 30% скидки. Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. При заказѣ на сумму не менѣе 10 руб. пересылка за счетъ издательства.

Покупающимъ въ складѣ 20% скидки.

Съ запросами обращаться въ складъ издательства: С.-Петербургъ. Пет. ст. Церковная ул. д. 8-а кв. 11. Лично съ $9\frac{1}{2}$—$12\frac{1}{2}$ утра и съ $5\frac{1}{2}$—$7\frac{1}{2}$ вечера, кромѣ праздниковъ.

21679